

Кристина Рой

*То, что пребывает
вечно*

СВЕТ НА
ВОСТОКЕ

УДК 82-31:27-29
ББК 84(4Сла)-44
Р65

Перевод со словацкого

Kristína Royová
«To, čo večne trvá»

Рой К.

Р65 То, что пребывает вечно / Пер. со словац. О. Сакун. —
СПб.: «Свет на Востоке», 2005. — 144 с.: ил.
ISBN 5-93829-037-6.

Девушку любили двое, а она стала женой третьего...
Обычная love-story? Наверное, именно так все и было бы,
не выйди этот сюжет из-под пера словацкой писательницы
Кристины Рой. Обыденный мир человеческих отношений
в ее книгах всегда бывает углублен третьим, вертикальным
измерением. Вот и в жизни каждого из героев этой повести
однажды происходит встреча с Богом. Встреча, которая пе-
реворачивает душу, меняет привычное течение жизни, раз-
рушает людские мечты о земном счастье, чтобы взамен дать
«То, что пребывает вечно».

УДК 82-31:27-29
ББК 84(4Сла)-44

Изд. № 01.442
ISBN 5-93829-037-6 © МРО «ХМ „Свет на Востоке“», 2005

Поросшие лесом Требовские горы издавна принадлежали небольшому городку на севере Словакии. Как-то из города прислали туда лесничего. Он смотрел за лесом и сам в нем хозяйничал. Ну, а поскольку был он человеком дружелюбным, неплохо уживался с людьми и на городском совете лучше всех мог рассказать о своем деле — не было такому хозяину цены.

Народ хвалил доброго лесничего, женщины носили ему грибы, свежие и сушеные фрукты, цыплят, масло, сыр, яйца — что у кого найдется. За это он закрывал глаза на то, что их мужья —

которым было дозволено собирать только сухой кустарник и ветки — срезали иногда красивое молодое деревце. Или делал вид, что оглох, когда по ночам в чаще раздавался стук топора и дерево стонало под немилосердными ударами железа. Ворованное забирал требовский торговец: доверху наполнял повозки товаром и продавал втридорога.

Неудивительно, что леса при такой вольной воле вырождались. Однако люди продолжали говорить, что деревья-то как росли, так и будут расти...

«Ах, как жаль старых порядков», — запричитали требовчане, когда власти решили строже следить за лесным хозяйством. Приехал как-то инспектор, заметил беспорядок и сказал, что пришлет сведущего человека, который станет ухаживать за лесом как надлежит, и велел построить для него дом.

Требовчане выстроили на опушке красивый домик и даже выкроили возле него место под огород. Но при этом они не испытывали особого почтения ни к властям, ни к назначенному ими чиновнику.

Пана Радонича, бывшего лесничего, который жил неподалеку в своем домике — чтобы ему

не вздумалось переехать в город, — назначили помощником нового. Но и он, конечно, не слишком-то уважал будущего начальника. Ясно, что слушаться его станут только по принуждению.

В начале весны, когда зацвели деревья и оживала вся природа, к домику привезли в повозках имущество новоявленного лесничего. Вместе с вещами приехала и старая женщина. Пани Радонич узнала, что она служила еще у родителей пана Ярослава Лесинского — так звали этого лесничего — и теперь будет вести хозяйство у своего бывшего подопечного.

Старушка была добродушной, молчаливой женщиной, и даже родная мать не могла бы сделать для своего единственного сына больше, чем делала она для пана Лесинского. От семьи пана Радонича все узнали также о том, что новый лесничий еще молод и притом образован — как же, ведь у него столько книг!

Еленке Радонич, дочери бывшего лесничего, очень хотелось узнать, словацкие ли это книги — ведь она так горячо любила все словацкое! Когда девочке едва исполнилось десять, родители отвезли ее к дяде, евангелическому пастору в Туре, где она воспитывалась до пятнадцати лет. И поскольку там были кузены, которые

учились в чешских и моравских школах, привезла она оттуда горячую любовь к родной культуре. Хотя дома никто не разделял с девушкой эту любовь — а с тех пор как Еленка вернулась в родные пенаты уже прошло два года, — она все не угасала. А питали ее письма младшего кузена Горислава.

Наконец были закончены все приготовления, и приехал новый лесничий в сопровождении лесного надзирателя и еще нескольких господ. Люди улыбнулись, увидев его. «Такого щедедушного, и к нам в лес! Да первый же сильный порыв ветра подхватит его, как перышко, и выбросит отсюда вон».

«Ну, — усмехнулся пан Радонич в усы, — хоть он и легкий, зато, встретив в лесу медведя, сможет быстро убежать». Сам-то бывший лесничий — не человек, а самый что ни на есть медведь — вряд ли смог бы убежать от топтыгина, да ему и не доводилось.

— Да будет вам, — сказал старик Крижан, — все равно в наших лесах он окрепнет, лишь бы к нам хорошо относился.

— А мне вот интересно, — презрительно заметил какой-то требовчанин, — кто станет его слушаться? Да у него под носом порубят все молодые буки!

Однако не порубили. Требовчане вскоре убедились, что искусство приказывать не зависит ни от телосложения, ни от силы голоса.

Прошло совсем немного времени, а имя пана Лесинского уже произносили так, как будто силы небесные призывали. Сначала бывший лесничий отзывался о нем снисходительно. «Разве он понимает что-нибудь в нашем деле? Пока что он только над книгами сидел и по ним изучал леса!» — говорил бывало пан Радонич. Но очень скоро он взял свои слова обратно. Потому что новый лесничий, приехав, сразу занялся очисткой угодий и обустройством вырубок. Для этого ему потребовалось много людей, благодаря чему не один горный домик запасся деревом на целый год. Потом Лесинский принялся замерять, засеивать и высаживать молодняк, да так, что вскоре вокруг стало, словно в ухоженном саду. И хотя новый лесничий сам землю не копал, деревья не рубил и не сажал, его нынешний помощник видел, что он весьма усердно трудится головой, поддерживая в хозяйстве идеальный порядок.

«Меня бы так ни за что не стали слушаться, — думал помощник лесничего. — И что в нем такого особенного? Ведь ни разу даже не

выругался, и не услышишь от него ни злого, ни хотя бы строгого слова!»

Спустя примерно неделю после начала работ пан Радонич, придя к новому лесничему с письмом из города, обнаружил его на вырубке, которая еще не была очищена, и оказался весьма удивлен увиденным. Что же делал здесь его молодой начальник? Он собирал отборный хворост, связывал в небольшие вязанки при помощи скрученной травы и сухих листьев и, когда связка была готова, привязал ее к спине невысокого паренька — так делали в старину, когда шли за дровами, чтобы не перегружать спину. Потом пан Лесинский, дружески похлопал юношу по плечу и сказал ему что-то, чего бывший лесничий не разобрал. Паренек отошел, а Лесинский, увидав помощника, зашагал к нему навстречу. На лице у него не было ни тени смущения оттого, что его застали за этим занятием. Они обсудили все, что касалось письма из города, и пошли вслед за рабочими. Пан Радонич с любопытством косился на нового лесничего. Тот заметил, что помощник хочет его о чем-то спросить или завязать беседу.

— Вы что-то хотели, пан Радонич? — поинтересовался Лесинский, глядя своими большими

черными глазами в широкое добродушное лицо лесника.

— Да вот, — смущенно ответил Радонич, — уже неделя как вы у нас, пан Лесинский, вот я и хотел спросить, как вам нравится в наших лесах?

Спокойное, серьезное лицо молодого мужчины осветила добрая лучистая улыбка.

— Леса прекрасны, как и все Божье творение, — ответил он.

— Так-то оно так, но неужто вам тут не скучно без общества? Если хотите завязать знакомства, то в городе найдется достаточно разных господ. Там живет нотариус — его вы уже знаете, — судья, казначей, врач, аптекарь, есть настоятели, учителя и другие господа.

— Благодарю вас, пан Радонич, за заботу. Но поверьте, у меня уже есть общество — оно мне никогда не надоест, и мне его вполне хватает.

— Какое же, пане?

— Со мной здесь мой Бог, Господь Иисус, и люди, которым я должен служить.

В лесу стало тихо. Даже птицы смолкли на время, будто прислушиваясь к разговору людей.

«Видать, у бедняги от долгого чтения и учебы ум зашел за разум», — подумал Радонич, но

спокойное и серьезное лицо Лесинского не утвердило его в этой мысли. Интересно, кто-нибудь уже слышал, как лесничий говорил о Боге — так убедительно, словно Тот был рядом?

— Вы евангелик, пан Радонич, не правда ли? — спустя мгновение спросил молодой человек.

— Да, пан Лесинский, а вы, посмею вас спросить, тоже?

— Да, я тоже.

— Ах, очень рад. Чувствуешь себя лучше, когда вокруг свои!

— Правда ваша, ведь у нас есть нечто общее, например Библия...

— У меня дома после дедушки осталась Библия — ей больше ста лет. Если хотите, можете зайти посмотреть.

— С удовольствием зайду, но сейчас мне недосуг. — Лесинский посмотрел на часы, поклонился и скрылся в зарослях.

«Какой простой и приветливый, — думал пан Радонич, — нет в нем гордыни. И евангелик, причем набожный. Нынче это много значит, ведь сейчас уже мало кто думает о Боге».

В зарослях еще раз мелькнула стройная фигура лесничего, но его легких шагов было уже не

слышно. Задумавшись, Радонич медленно зашагал в ту же сторону, что и новый лесничий.

Прошло почти три недели. Повсюду в лесу цвел шиповник — такой, что просто сердце поет, когда смотришь по сторонам.

Рано утром Еленка Радонич пошла к требовскому озеру собирать цветы: в ее доме ждали гостей из Туры, должен был приехать и Горислав, и поскольку их жилище было таким невзрачным по сравнению с туровским приходским домом, девушка хотела украсить его хотя бы свежими букетами цветов. Она знала, что Горислав любит ее — ведь он восторженно воспевал ее в стихах. У нее хранилась и целая пачка его писем, в которых он писал о своем желании быть рядом с ней. И письма, и стихи очень нравились Еленке. Ах, как это прекрасно — быть любимой!

Задумавшись, девушка шагала по сумрачному лесу. Но вот наконец она остановилась и прислонилась к выступу скалы. Тоненькая и маленькая, она стояла посреди цветов, покрывающих кусты, как самый красивый из них. Если бы она очутилась в компании городских красавиц, то, верно, затерялась бы среди них, точно цветков шиповни-

ка в букете искусно выращенных садовых роз — не смогла бы соперничать с ними. Но в этих таинственных зеленых лесах, в этом диком уголке природы она была красива, очень красива — просто глаз не отвести. Охапка уже не помещалась в руках девушки. Положив цветы на выступ скалы, она стала перебирать их, чтобы составить букеты, и ее уста, словно созданные для пения, начали выводить чудесную мелодию. Нежный и чистый голос Еленки полетел по лесу:

*В лесу зеленом
Олень пасется,
Олень рогатый.*

*Олень мой, где ты?
Все в воду смотришь?
Что в ней увидел?*

*Я лес увидел
И луг зеленый,
Росой покрытый,*

*Лес зашумел,
Взметнулась пуля —
Не спи, мой милый!*

*Скалистый выступ
Все смотрит в воду —
Тебя не видит...*

*Олени плачут —
Где друг наш милый,
Товарищ верный?*

*Лес зашумел,
Весна настала,
Не спи, мой милый...*

Неподалеку девушка увидела неподвижную голубую гладь озера, окруженного с трех сторон лесом, с четвертой над ним нависли тысячелетние скалы. Представила она себе оленя на скале, его смерть и невольно задумалась над последними словами песни: «Весна настала, не спи, мой милый...»

Весна, пробуждение, воскресение... До сих пор она часто думала о всеобщем воскресении, а теперь задумалась о своем. Ей показалось, что все вокруг наполнилось красотой и светом раннего мая, а в душе у нее царит тьма. Ей так хотелось узнать о том, что же будет после смерти! В жизни каждого человека, особенно молодого,

бывают минуты, когда Иисус приближается к его душе. И тогда даже в ничтожных вещах она слышит голос своего Пастыря.

Это незнакомый голос. Услышав его, человек думает, что ему надо идти куда-то далеко, высоко, за чем-то добрым и дорогим, вот только не знает он дороги, и нет никого, кто взял бы его за руку и сказал: «Иисус зовет тебя, иди, о, иди к Нему, Он хочет дать тебе вечное блаженство».

Девушка не знала, почему у нее из глаз потекли слезы. Задержавшись на темных ресницах, они блестели, будто прозрачная роса на бутоне цветка. Она решительно встряхнула головой: «Что это со мной сегодня? Почему мне хочется плакать горькими слезами, в то время как у меня есть все, и даже Горислав скоро придет?»

Еленка уже совсем было собралась идти домой и даже протянула руку за цветами, но не взяла их... Она увидела, как по узенькой горной тропке к ней приближался пан Лесинский. И кто бы мог предположить, что в этом уединенном уголке она встретится с новым лесничим и ей доведется побеседовать с ним?!

Хотя он часто бывал у них, отец всегда закрывался с ним в кабинете, и в гостиную его никто не

приглашал. Она надеялась, что это произойдет, когда приедут гости.

— С добрым утром, барышня Еленка! — сердечно поздоровался лесник. — Что вы делаете здесь в такую рань?

Еленка покраснела до самых корней темных волос.

— Я пришла за цветами, потому что завтра к нам приезжают гости; но мне надо спешить, чтобы вернуться домой, пока не жарко.

— Я как раз с озера, — отозвался Лесинский. — Там на берегу растут чудесные голубые незабудки и еще один незнакомый мне белый цветок. Если хотите, я провожу вас туда. Оставьте цветы здесь, под скалой, чтобы не завяли по дороге.

Еленка обрадовалась тому, что он хочет проводить ее. Положив цветы, она поднялась вслед за ним на камни, где был узенький проход. Лесничий взял ее за руку и повел.

Молча шли они среди зарослей шиповника. Вдруг шипы зацепили ее легкое платье, и им пришлось остановиться. До сих пор девушка смотрела себе под ноги, а теперь должна была взглянуть на своего провожатого. Она была рада, что, освобождая от шипов ее юбку, Лесинский не смотрит на нее и она может внимательнее изучить

его лицо. Он оказался не таким красивым, как Горислав, но у него был высокий открытый лоб, изящно очерченный рот, горячие черные глаза; и еще что-то было в нем — необычайно притягательное, что невозможно определить сразу. Отец вчера сказал, что у него доброе сердце...

— Вот, Еленка, теперь вы свободны, — улыбнулся он и быстро взглянул на свою спутницу. Оба смутились: он оттого, что она смотрела на него, а она оттого, что он застиг ее за этим занятием. Однако его смущение длилось не более мгновения. — Красивую песню вы там пели, — сердечно добавил он.

— Да, очень красивую, — тут же согласилась она, — я себе этого оленя так и представляла вот здесь, на озере. И его печальную кончину, и как я подбегаю к нему, чтобы помочь встать...

— В этой песне скрыта прекрасная метафора.

— Какая же?

Дорога стала шире, и теперь они шли рядом.

— Олень — это юность, которую привлекает все новое и красивое. Она вглядывается в таинственное озеро, смотрит на прекрасные леса и луга вокруг и не замечает врага, что метит в ее сердце ядовитой пулей. Пуля достигает цели, и юность умирает.

— Что же это за пуля?

— Она называется грехом.

Девушка не отрываясь смотрела в глаза лесничему.

— Не ужасайтесь, Еленка, таким оленем когда-то был я. Глядя на вас, я вспоминаю свою навсегда утраченную юность. Как и вы, я был вскормлен материнской любовью и, полный идеалов, рос в тихой домашней атмосфере. Никто не предупредил меня, что в жизни много острых углов, никто не уберег от грязных волн порока. А главное, у меня не было компаса, я не знал рулевого, с которым можно было безопасно плавать — и вот моя лодка потерпела крушение. Меня настигла пуля греха, уничтожив радужные юношеские надежды, погубив мою невинность... Ах, милая Еленка, и вы напоминаете мне того молодого оленя! Позвольте же показать вам место, где вы можете укрыться вместе с вашей прекрасной и непорочной молодостью — чтобы вас не настигла пуля греха, чтобы не зажгла то взрывчатое вещество, которое есть в каждом человеческом сердце. — Голос молодого человека звучал серьезно и печально, однако к концу своей речи он воодушевился: на щеках появился легкий румянец, глаза загорелись. — Отправ-

ляйтесь к Господу Иисусу, укройте свое сердце в Его любви и предайте все свое существо в Его руки. Там вы будете чувствовать себя уверенно и безопасно. Возьмите Его с собой, в лодку своей жизни, и тогда вы пройдете мимо грязи греха и мимо невзгод этой жизни.

Тем временем они дошли до озера и теперь стояли над его гладью.

— Я знаю, — ответила девушка, — что вы говорите правильные вещи, хоть я вас до конца и не поняла. Словно я слышу в своем сердце какой-то голос, который велит мне слушать вас. Знаете, я уже несколько раз думала — не знаю почему — о том, что со мной будет дальше... Скажите, как же к Нему идти?

— Если мы хотим довериться какому-нибудь человеку, нам нужно сначала хорошенько его узнать, не правда ли?

— Правда, и что?

— Читайте внимательно все, что написано о Господе Иисусе в Слове Божьем. Так вы узнаете Его и придете к Нему. Он будет хранить вас от опасности и сейчас, и в вечной жизни. Пообещайте мне, что будете читать, — особенно в эти дни, когда у вас гости.

— Если найду время, — сказала она.

— Ну пожалуйста, вставайте на полчаса раньше остальных и читайте. У вас ведь есть Библия?

— У меня только Новый Завет.

— Вот и читайте его. Это завет нашего Господа Иисуса Христа. Дайте же слово, что будете читать внимательно. Договорились?

Он протянул ей руку. Краткий момент нерешительности — и маленькая белая ручка опустилась на его ладонь.

— Буду, — с неожиданной решимостью пообещала она.

— И не позволяйте мешать себе никому и ничему?

— Не позволю.

— Ну и слава Господу.

Он отпустил ее руку и, наклонившись к земле, принялся аккуратно срывать голубые незабудки и лилово-белые анютины глазки и подавать ей. Она принимала эти цветочные трофеи из его рук с какой-то необычайной радостью. А так как ее хрупкие руки не могли удержать такое количество цветов, она стала складывать их в развернутый фартук.

— Спасибо, мне хватит этих цветов, — наконец произнесла она. — Пора домой, а то завянут. Вы остаетесь, пан Лесинский?

— Да нет, я тоже пойду домой, только принесу вам букет, который остался у камней, а то вам самой не донести.

— А потом опять вернетесь сюда?

— Нет, меня ждет работа дома.

— А можно спросить вас, — начала она, когда они вместе шли по лесу, — что это за пуля погубила вашу первую молодость? — И она остановила свой вопросительный и смущенный взгляд на его лице.

— Это была пуля первого греховного искушения, против которого я не устоял, — серьезно отозвался Лесинский. — Я попал в общество, где играли в карты, и пристрастился к игре и выпивке. Такой образ жизни убил во мне веру во все юношеские идеалы и сделал из меня обыкновенного распущенного тунеядца, порхавшего от одной компании к другой. В результате я наделал долгов, которые доставили немало неприятностей моему доброму отцу. Бросил учебу и едва не потерял остатки своего и без того слабого здоровья. И лишь величайшая милость Бога сохранила меня от еще более тяжких согрешений, от которых я был уже недалеко.

— Как странно, — удивилась Еленка, — я и не знала, что игра в карты — грех. У дядюшки

мы часто играли в карты. Вы и вправду думаете, что это грех?

— Да, барышня Еленка. Я знал молодых людей, игравших ночи напролет, тогда как дома их семьи умирали с голоду. Карты — это страсть. Это болезнь, которая засасывает человека все глубже и глубже, пока он не утрачивает способность ко всякому иному занятию, иной мысли. Я был свидетелем сцены, когда одного много проигравшего господина хватил удар прямо за карточным столом. Так ему и пришлось предстать перед Господом Богом — неподготовленным. Был и такой случай: двое мужчин, поссорившись, затеяли дуэль. У одного из них я был секундантом, и он умер у меня на руках. Один умер, а другой стал убийцей.

— Ах, какой ужас! Но подобное может произойти только при игре на деньги, а не такой, как у нас, ради развлечения.

— Барышня Еленка, чистота всегда остается чистотой, а искушение — искушением. Начнешь играть на фасоль, а закончишь как отчаянный игрок.

«Вот бы Горислав это послушал, — подумала девушка. — Он так любит в карты играть. Вдруг начнет играть на деньги и много проиграет, или

его вызовут на дуэль, и он кого-нибудь убьет! Ужас! Нет, не хотела бы я дожить до этого дня. Пусть лучше бросит карты ради меня. О, он это наверняка сделает».

Мгновение спустя она спросила:

— Когда вы увидели, какая это опасная игра, вы ведь отказались от нее?

— Ах, пани, я уже не мог отказаться. Эта грязь стала моей тюрьмой, которая не отпускала меня. Я и сам себе часто обещал отказаться — и не мог. Грех любого вида — это цепи, от которых без помощи Господа Иисуса не освободиться.

— Кто же вам тогда помог? — спросила пораженная девушка.

— Нашелся добрый человек, который открыл мне глаза и показал путь спасения, по которому нужно идти. Я послушался и пошел к Господу Иисусу. Я просил Его, и Он принял меня. Отпустил мне все согрешения, очистил меня от неправедности и призвал в это прекрасное тихое место, чтобы я здесь окреп духовно и физически. Я словно птица, которую выпустили наконец из клетки. Моя душа совершенно спокойна, я счастлив и свободен! То, что потеряно, потеряно навсегда. Но я могу жить новой жизнью, которую даровал мне мой Господь. Поверьте, когда я хожу

по этим лесам, то чувствую, что Он — больше всего на свете любимый мной Спаситель и Освободитель — ходит рядом со мною... Я слышу звук Его тихих шагов. За работой, во время отдыха и в минуты слабости — когда воспоминания о загубленной молодости пронзают мое сердце — я слышу Его ласковый голос: «Не бойся, ибо Я с тобою...»¹. Мне хочется, чтобы это счастье переживал вместе со мной весь мир. Но здесь у меня редко бывает возможность поговорить с кем-нибудь о Нем. Ваш дорогой отец беспокоится, что я скучаю, он хотел познакомить меня с требовским обществом. Но там нет места для меня. Кабак, в котором встречаются эти люди и который называют ресторацией, — никогда больше моя нога не переступит его порог! Они любят то, что погубило мои лучшие годы, они любовно несут на себе те самые оковы, в которых стонал я. О нет! Свободная птица не воротится больше в клетку! Мне бы найти общество людей, которые думают так же, как я, с которыми можно было бы вместе прославлять моего Господа. Конечно, порой мне недостает братьев и сестер, связанных со мной общей верой. Я просил Его и буду просить еще, чтобы Он и вам даровал познать Себя, воскресив к духовной жизни, как Иаинову дочь... Впрочем,

даже в одиночестве я совершенно счастлив и спокоен, ведь я — в обществе моего Бога.

Девушка позабыла о красоте словацкой весны. Позабыла она и о чудесных лесных цветах в своем фартуке. Но никогда ей не забыть тех чувств, которые наполнили ее сердце, пока говорил Лесинский. Главным из них было страстное желание познать милосердного Спасителя, благодаря которому этот человек стал таким счастливым и спокойным.

— Расскажите мне о Нем еще, — попросила она.

И он рассказал — охотно рассказал! Они сели на траву, и молодой человек достал из нагрудного кармана Новый Завет и начал читать. Все, что он читал, было знакомым, но все-таки совершенно новым. Ах, она еще никогда не задумывалась о великой любви умирающего Божьего Сына, и вот сегодня эта любовь явилась ей во всем своем величии. Она узнала и уверовала, что Иисус умер за нее на кресте, и приняла эту истину как дитя, без тени сомнения.

Забирая у дверей букет из рук своего любезного проводника, она посмотрела на него своими круглыми детскими глазами, полными слез и благодарности.

— Я уверена, что смогу узнать Господа Бога лучше и быстрее, если вы будете меня учить, — тихо произнесла она. — Но у нас в доме нет ни одного спокойного местечка, а когда приедут гости, его и подавно не будет.

— Позвольте спросить, — поинтересовался Лесинский перед уходом, — где вы устроите своих гостей на ночь?

— В гостиной.

— А где же вы будете спать сами?

— Да мы уж как-нибудь разместимся. Отец будет ночевать на пасеке, у него там стоит топчан, а братишки на сеновале.

— Передайте, пожалуйста, своему отцу, что он может пожить у меня... Разделит со мной мое одиночество. Пусть возьмет с собой и мальчиков, если ночью будет прохладно.

Пока она приходила в себя от приятного удивления, он откланялся и ушел.

— Первое впечатление часто бывает обманчивым, — говорила на следующий день пани Радонич своей невестке, жене настоятеля прихода. — Мы сердились на пана лесничего, пока он не приехал, и, как оказалось, совершенно напрасно. Никаких новых порядков, которые бы

нам не понравились, он не завел — хотя и не знал старых. И вот теперь платит нам добром за зло. Мой старик сегодня ночевал у него вместе с ребятами, и они не могут нахвалиться — так им у него хорошо было.

— А что это вообще за человек? — спросила пани настоятельница.

— Мой говорит, что он очень строг с людьми, но не в том смысле, что гоняет их на работе. Но вот пить им не позволяет. Человек десять уже рассчитал и выпроводил вон; остальные пока держатся. Сам-то он совсем не пьет и говорит, что пьянство разрушает целые поколения. При нем никто не смеет богохульствовать или произносить имя Господа всуе. Не обошлось, конечно, и без тех, кто противился этому. Знаешь, наши люди иногда делают это в шутку. Но и тех он отослал прочь. «Если вы не верите в Бога, дело ваше, — сказал он им, — но в моем присутствии никто не имеет права ни оскорблять моего Господа, ни позорить Его!» Знаете, наши люди умеют отблагодарить, особенно того, кто готов закрыть глаза на их грешки. Он же не принимает никаких даров, но и сам никому ничего не спускает. Зато он очень хорошо поступает с людьми — позволяет им очищать леса и вырубки. Самых бедных, что носят

дрова в связках, он отпускает раньше всех и лишь потом — тех, у кого повозки. Говорят, беднякам он еще и показывает, что и где лучше взять.

— Ну а в какое общество он ходит, к венграм или нашим?

— А ни в какое. Да и некогда ему, он целыми днями в лесу.

— Что, и в воскресенье?

— Иногда и в воскресенье.

— Что же он там делает?

— Говорят, берет с собой книгу и читает. В прошлое воскресенье, однако, он вместе с моим мужем ходил в церковь. Но когда мой в другой раз стал звать его, не пошел.

— Вот чудак. Кто же у него ведет хозяйство?

— Его няня — тихий, добрый человек. Она охраняет его как зеницу ока, и он ее очень любит.

Беседу прервал стук распахнувшейся кухонной двери, около которой сидели обе госпожи. В кухню вошел красивый стройный юноша лет двадцати двух. Жена настоятеля с гордостью посмотрела на младшего сына.

— Что случилось, Горислав?

Вместо ответа Горислав спросил:

— А где Еленка? Я думал, она с вами.

— Пошла в огород за овощами, — ласково улыбнулась жена лесника.

Юноша не стал задерживаться, и двери за ним захлопнулись.

— Ветреник, — пожалала плечами мать. — Просто одержим ею — уж не знаю, что с ним и делать. Прямо измучил меня по дороге, когда я ему сказала: сперва приход, потом и свадьбе ход. А он, видите ли, ничего не хочет, кроме как свадьбу скорей сыграть. Все боится, что кто-нибудь у него Еленку отнимет. Ну что вы на это скажете? Девочка еще очень молода, а он, даже когда окончит курс в университете, не будет готов к семейной жизни. Боюсь, как бы они оба из-за этого не пострадали.

— Давай оставим их в покое, пускай сами решают. Если им суждено быть вместе, то они будут вместе, — кротко ответила жена лесника.

Те, о ком шла речь, сидели в саду под цветущими кустами бузины. Горислав держал руки Еленки в своих руках и произносил слова, способные смутить любое девичье сердце.

— Ты же знаешь, что я буду твоей, — наконец ответила она, — я уже писала тебе об этом. Но это станет возможным при одном условии.

— Условие? Что же это за условие?

Она медлила с ответом.

— Рассей мою тревогу, пообещай, что никогда не возьмешь в руки карт!

— Еленка, да что это тебе взбрело в голову! Что я, картежник какой-нибудь что ли? Я ведь только изредка играю в компании, и притом не на деньги!

— Не сердись. Я узнала такие страшные вещи об игроках, что боюсь, как бы ты за картами не забыл обо всем, в том числе и обо мне.

— Ну, если это так тебя беспокоит, то я могу дать честное слово. Хотя мне и нравится играть, я докажу тебе, кого люблю больше! Вот... — С этими словами он вынул из кармана новую колоду карт и протянул ее девушке: — Я привез их сюда, чтобы сыграть... Возьми и сохрани на память, как доказательство моей любви.

Держа в руках карты, она думала, что это именно те пути, от которых Господь Иисус освободил Лесинского. Слава Богу, Горислав в них не попадет!

— Что с тобой, Еленка? — спросил Горислав и с силой привлек ее к себе. — Ты словно сама не своя. О чем задумалась?

Он посмотрел на нее так, будто испугался, что ей рассказали о нем что-то дурное. Она покачала головой и сказала:

— Знаешь, Горислав, пора уже нам становиться серьезными. Ну, я пойду к матушке — она ждет меня на кухне.

Они пошли рядом, взявшись за руки. По пути Еленка сорвала розовый бутон, продела его в петлицу на куртке Горислава, а другой прикрепила у него на груди. Она вспомнила милый эпизод из детства, когда они вместе собирали цветы в родительском саду и украшали ими друг друга. Чувства одного человека, выраженные подходящими словами, способны глубоко взволновать сердце другого. Так и от этих прекрасных, невинных, покрытых пылью детства рассказов любимой юноша — в чертах лица и каждом движении которого угадывались горячность и порывистость — успокоился и покорно зашагал возле нее. Хотя это было совсем не то, чего он ожидал, — не так представлял Горислав свое обручение. Но ее детское счастье передавалось ему, вытесняя из сердца чувства взрослого мужчины, и возвращало назад, в те счастливые времена, когда он был беззаботным ребенком. Она виделась ему во всей красе едва распустившейся юности.

Он был счастлив, что она невинна и свежа, словно роса, сверкавшая у них под ногами. К нему, которому было только двадцать два года, можно было бы отнести слова поэта Беллы:

*Юность — как будто яблоко,
Росой осыпанное.
Смахни рукой росинку легкую,
И яблоко, хотя осталось яблоком,
Уже не то оно...*

Вот и ему не хватало чего-то ценного и важного, чего он никогда больше не найдет на земле. Но она об этом даже не подозревала.

На дорожку, по которой они шли, легла тень. Владо Радонич, старший брат Горислава, гордость всей семьи, поднялся со скамейки под грушей и направился к ним. Несмотря на молодые годы, он уже сдал экзамены по праву и собирался открывать адвокатскую контору в доме будущего свояка в Дубне. Братья совершенно не походили друг на друга: Горислав был блондином, Владо — брюнетом, Горислав — поэтом и идеалистом, Владо — расчетливым прагматиком. Только одно их объединяло: карие глаза, время

от времени вспыхивавшие необычайно живым огнем.

— С добрым утром, Владо! — обрадовалась девушка, протягивая маленькую руку будущему зятю. — Мы, кажется, еще не виделись.

Владо, слегка покраснев от волнения, вежливо поклонился.

— Я думаю, что вы оба вообще никого не замечаете, — слегка уколол он юную пару.

— Обрати внимание, — парировал Горислав, — что и ты никого не замечаешь со своей Мартой!

— Ну это другое... Марта — моя невеста.

— Еленка тоже моя невеста.

— Еленка, это правда? — воскликнул ошеломленный Владо и крепко сжал ее маленькую руку в своей.

Темный румянец покрыл девичье лицо. Она опустила длинные ресницы и тихонько ответила:

— Да, Владо, я пообещала Гориславу выйти за него.

— Ну тогда поздравляю. — Он быстро поклонился. — И прошу прощения, что позволил себе неуместное замечание. Когда придете домой, скажите там, что я ненадолго ушел в лес, но к обеду непременно вернусь.

Еленка посмотрела ему вслед.

— Он, кажется, недоволен? — Девушка выглядела слегка смущенной. — Может, он имеет что-то против меня?

— Против тебя? Пусть только попробует, — вскинулся Горислав. — Может, он надеялся, что я возьму в жены какую-нибудь из его будущих своячениц? Но я не продамса за деньги, как он.

— За деньги?! — изумленно воскликнула Еленка.

— Ты думаешь, он любит Марту Зеленицкую? Хотел бы я знать, способно ли вообще любить это горделивое воплощение эгоизма! Он позарился на ее приданое, а родители и обрадовались. Владо тщеславен, и ему льстит, что он женится на красавице, с которой сможет блистать в обществе. Но ни о какой любви не может быть и речи.

— Горислав, как же они будут жить вместе?! — всплеснула руками девушка. Но тут же добавила, успокаивая саму себя: — Ну, может быть, когда они лучше узнают друг друга, то полюбят.

«Сомневаюсь», — подумал юноша, но вслух не сказал ничего.

Младший брат Еленки, Палко, играл с обручем; большое ярко-красное колесо катилось мо-

лодым людям прямо под ноги. Вслед за обручем появился и сам мальчик, красивый и разгоряченный. Лицо и глаза у него были точь-в-точь как у Еленки. Потом к ним подбежал еще один ее брат, Мишко, с веточкой в руке. Горислав подхватил маленького кузена и посадил к себе на плечи, а Еленка стремительно влетела в дом.

— И где только он пропадает! — забеспокоились обе госпожи, услышав от девушки о встрече с Владо. — Хоть бы взял что-нибудь поесть, а то проголодается.

Но даже сам молодой юрист не знал, куда держит путь. Он переходил с просеки на просеку, сворачивал с одной тропы на другую и совсем не думал о том, куда они ведут. Его ничуть не беспокоило, заблудится ли он или найдет обратную дорогу в этом зеленом лабиринте. Он снял шапку, расстегнул куртку и, хотя одежда не была тесной, грудь его сдавило так, словно на нее положили камень. «Она будет принадлежать ему, а я попал в ловушку, я продался маммоне!» Он бросился в траву, закрыв лицо руками. Ясное солнышко смотрело из-за густых ветвей на юношу, точно вопрошая: «Что же ты лежишь здесь? Ведь дома, когда сердце говорило тебе, что ты не можешь любить никого кроме нее, ты отвечал:

„Одной любовью сыт не будешь. Она бедна, я не могу на ней жениться. Мне ведь нужна жена, которая могла бы блистать в обществе, а не дикий лесной цветок. И у меня есть богатая невеста, заботливо выращенное растение, с ней я буду блистать в свете. С ней смогу следовать своим честолюбивым планам“. Но почему же тогда ты завидуешь брату, который нашел свое счастье с этим цветком, отвергнутым тобой?»

Внезапно молодой человек вскочил.

— Неужели кроме нее нет других девушек, на которых я могу жениться? — закричал он со злобой, сжимая кулаки. — Что, она одна, что ли?! Раз я не могу взять ее, то и она не сможет войти в нашу семью. К чему это приведет? Мы с братом оба сильны, чего доброго уьем друг друга. Если я без нее обойдусь, значит, и он не умрет. Обручение еще не свадьба. Так будет лучше...

Ветер пронесся по верхушкам деревьев, лес зашумел, застонал, и на какой-то миг Владо показалось, что кто-то горько-горько заплакал.

Наступили сумерки. В тот день Еленка выполнила данное Лесинскому обещание. Несмотря на присутствие гостей, она встала раньше всех в

доме и прочла пару глав из Евангелия от Матфея. Пополудни, когда отец повел Горислава и Владо на постоялый двор, а тетя с матушкой отправились в гости к знакомым господам из Требовой, она — после того как навела порядок в доме — выкроила немного времени, чтобы продолжить чтение. В этот момент Еленка вспомнила, как вчера по дороге домой Лесинский сказал: «Больше всего сил мне придает вера в это обетование: „Се, Я с вами во все дни до скончания века“². Он повсюду со мной, и что бы я ни делал, мое сердце всегда может обратиться к Нему и получить совет». И она теперь увидела, что это и в самом деле так. Ведь Господь Иисус дал такое обещание перед Своим вознесением на небеса.

Когда она захлопнула книгу и принялась накрывать к ужину, ей в голову пришла такая мысль: «А вот сейчас Он тоже рядом?» Она остановилась у открытого окна и взглянула на ясное небо, в котором розовел закат. «Господи Иисусе, могу ли я уверовать в то, что Ты и теперь рядом со мной, что видишь меня сейчас?» — прошептали ее нежные губы, и ей показалось, что Господь где-то возле нее или внутри нее произнес то, что Лесинский повторил вчера трижды: «Не бойся, ибо Я с тобою...»

Хотя комната была освещена только лучами заходящего солнца, у девушки было какое-то странное чувство на сердце — чувство света, блаженства. Ах, если бы вслед за этими лучами вошел Иисус, о смерти Которого она только что читала и Которым так восхищались ученики, — Спаситель в терновом венце и пурпурном плаще, умерший за нее на Голгофе, погребенный, воскресший и сидящий теперь одесную Бога Отца на небесах! «Господи Иисусе, — тихо вздохнула она, — останься со мною во все мои дни и научи меня верить Тебе». Это была первая молитва ее сердца.

Когда она закончила накрывать, оказалось, что в доме нет соли. Что же теперь делать? Владо любит хорошенько посолить пищу. К счастью, в лесу люди привыкли помогать друг другу.

«Схожу-ка я к Кудловой в лесничество, — пришло ей в голову, — одолжу немного соли у нее». Взяв шляпку с круглыми полями, она закрыла дом на ключ, велела мальчишкам никуда не уходить и по ступенькам побежала наверх, к дому лесничего.

Дошла она без приключений. Кудлова не только охотно дала соли, которой у нее было предостаточно, но и вручила полную корзинку

черешни — ягоды незадолго до этого принесли ей женщины.

— Нам двоим столько не съесть. Долго хранить ее нельзя, а вам с вашими гостями как раз пригодится, — добродушно сказала старушка.

— А пан Лесинский не будет против? — попробовала отказаться девушка.

— Он, милое дитя? Да он бы заставил меня все тебе отдать, а так мы черешню поделим. Я-то знаю, что он ее тоже любит. Опять же, вечером к нам придут ваши мальчики. Вот я их и угощу.

От того, что дают с охотой, нельзя отказываться, и Еленка решила взять черешню. Воспитание не позволило ей убежать сразу. Так как домашние должны были вернуться не раньше восьми, девушка зашла на минутку в чистенькую комнатку старушки.

— Как тут у вас хорошо, тетушка, — искренне похвалила она Кудлову и присела на низкий подоконник, рядом с которым стояло глубокое кожаное кресло. — А давно вы служите у пана лесничего?

— У него-то недавно, голубушка моя, но у господ Лесинских очень давно, еще с молодых лет. И когда замуж вышла, осталась у них вместе с мужем, и потом, когда овдовела, не ушла.

— И не тяжело вам было уезжать и привыкать к нашим лесам, в ваши-то годы?

— Старый человек неохотно меняет место, дитя мое, но вот ведь Сын Божий испокон веков был у Своего Отца, а из любви к нам пришел на чужую для Него землю и привык. Вот я и подумала, а почему бы мне, бедной земной букашке, не провести несколько лет — мне ведь немного осталось — на чужбине, из любви к Богу и моему одинокому сыночку. Не удивляйся, что я так называю пана лесничего. Я вскормила его вместе со своим сыном. Мальчик мой давно отошел к Господу, а молодой господин занял его место в моем сердце.

— Вы сказали, — обратилась девушка к старушке, тронув ее за плечо, — сказали, что он одинок. Почему одинок? Его близкие умерли?

— Не умерли, голубка моя милая, а отреклись от него, — вздохнула старушка. — Отец пана Лесинского даже не хочет слышать о нем, и госпожа не смеет напоминать ему о сыне.

— Наверное, из-за тех долгов, что он наделал?

— Откуда ты знаешь? — перепугалась Кудлова.

— Пан Ярослав сам рассказал мне сегодня утром, как товарищи вовлекли его в карточную

игру и как он, задолжав, поставил отца в тяжелое положение. Вот я и подумала, что он за это на него злится.

— Ах, пан Лесинский сердится не столько из-за денег. Он не беден. Напротив, богат, да к тому же спесив. Он возлагал на сына большие надежды, вот и не смог простить ему падения. Но сердце не камень. Со временем мои хозяева смягчились бы и приняли сына, не появившись у них и другие причины для гнева. Видишь ли, молодому Лесинскому Бог даровал милость, о которой я молила Его долгие годы: Он дал ему познать Господа Иисуса. Мой милый мальчик был словно овечка, заблудшая в лесу и упавшая в глубокую пропасть. И наш добрый Пастырь искал его до тех пор, пока не нашел. За это он посвятил Ему всего себя целиком — не мог поступить иначе. Пан Лесинский-старший требовал, чтобы сын одумался: продолжал бывать в обществе и оставался приличным, по его понятиям, человеком. Но мой сыночек знал, что нельзя ему ходить на эти приемы, ведь он, сам бросаясь навстречу искушению, не смог бы молиться «не введи нас во искушение». Сначала он просил не заставлять его бывать в свете. Когда это не помогло, сказал, что лучше ему умереть, чем своим

непослушанием оскорбить Господа. Родители его не поняли. Отец сильно разгневался — заявил, что раньше тот бросал деньги на ветер и позорил их, а теперь ему вздумалось изображать из себя святого. С тех пор они не желали даже разговаривать с ним. Мой сынок не мог найти другого выхода, кроме как уехать от них: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня...»³ Только ведь и мои бедные господа не могли поступить иначе — они же не видели Божьего света. Когда ему предложили это место и он пришел сообщить им об этом, то попросил мать помочь ему устроиться в новом доме. Старик Лесинский запретил ей. Мол, если она ногой ступит в дом этого ханжи и лицемера — пусть домой не возвращается. Ну а поскольку никто не хотел ехать, я сама собралась — вот мы и оказались здесь вдвоем. Но с нами Господь Иисус, и мы молим Его, чтобы он осветил несчастных родителей пана Лесинского светом Своей истины, чтобы смягчил их сердца. Ведь так больно иметь родителей, любить их — как любит мой сынок — и не сметь с ними общаться!

Девушка, не спускавшая со старушки глаз, схватила ее натруженную морщинистую руку и горячо стиснула в своих ладонях. Ах, молодость

так сильно все переживает! Она живо представила себе в подробностях каждый момент только что услышанного рассказа. Вот молодого человека изгоняют из родительского дома, в котором прежде он жил так счастливо... А вот он уходит не попрощавшись, и его участь разделило только одно оставшееся ему верным сердце. Почему же они выгнали его? Не потому, что он оскорбил их, а лишь потому, что хотел последовать за Спасителем, Который освободил его таким чудесным образом. Неужели нельзя соединить эти две вещи? Разве не мог он пойти на компромисс? Господь Иисус говорит: «Я с вами», — но разве нельзя быть и в обществе, и с Ним?

— Тетушка, когда Господь Иисус освободил пана Лесинского от дурной компании, он ведь мог ходить и в хорошие, — возразила девушка.

— Ах, голубушка, — улыбнулась старушка, — когда Господь Иисус обращает к Себе кого-нибудь, то Он говорит: «Возьми крест свой, и следуй за Мною»⁴. Кто хочет служить Господу Иисусу, тот уже не может заниматься пустыми делами и напрасно тратить драгоценное время. Ты еще очень молода, милое дитя, не знаешь света. А я состарилась, наблюдая за ним. И хотя я была лишь служанкой в господском доме, имела

достаточно поводов убедиться, что все развлечения, которым предавалось общество, собиравшееся у нас, — суета, одна суета. Помню, как трудились мы вместе с моей доброй госпожой накануне какого-то спектакля в Дубне: готовили зал для приема, приводили в порядок одежду... Господин мой — истинный словак, и к нам тогда съехалось великое множество гостей. Пели, играли, веселились — радостно было смотреть на эту блестящую молодежь, прихорашивающуюся перед театром. Но как же у меня плакало сердце, когда они вернулись домой после ночи, проведенной в плясках и развлечениях, — усталые, измученные. И так бывало всякий раз. Когда веселье проходило, в душе у них оставалась одна пустота — это было написано на их лицах. Нет, ничему хорошему они там не учились, все было наполнено грехом. Господа хвалили хорошую игру актеров, и те начинали воображать о себе невесть что. Бедные девушки, дочери ремесленников, — им бы думать о том, как помочь родителям пережить тяготы быта, — приходили к богатым господам, чтобы сообщить о новом спектакле, в котором они играют, об очередном развлечении. Но если игра оказывалась плохой — сколько нареканий, уязвленной гордости, слез... Нет,

эта работа не была им в радость. У моих господ росла только одна дочь, однако на нее требовалось столько расходов — у девушки постоянно собирались подруги. Она была настоящей красавицей, за ней ухаживали большие господа, и один хороший человек хотел взять ее в жены. Но появился богатый адвокат, уже немолодой: красоты в нем не было, да и доброты, по-моему, тоже, — и она вышла за него. Вот и живут теперь — без любви в сердце, без тепла в доме. Живут так, будто не существует в жизни ничего, кроме развлечений. Да, они веселятся, и многие им завидуют, но разве они счастливы? Я сама не раз слышала, как она, приезжая к родителям, жаловалась, что бесконечно устала от всей этой суеты — в свои-то двадцать четыре года! Моему молодому господину хорошо знакома такая праздная жизнь. И когда Господь Иисус заполнил его сердце, то там уже не осталось места для развлечений. Что ему вообще в этом обществе делать?! Прежде для него везде были открыты двери. Он умеет петь, танцевать, играть на инструментах, может произнести речь — в общем, обладает всем необходимым, чтобы не упасть в глазах высшего света. И всего этого от него потребовали бы снова. Но он больше не мог так жить. Не то

чтобы этого нельзя делать — ведь в Библии ничего не сказано о подобных запретах, — но он не мог. Светскую жизнь и небо соединить невозможно. А у него в сердце было самое настоящее небо, с тех пор как Господь Своей милостью принял его в Свои объятия. Но я тебя, дитя мое, кажется, задерживаю, — прервала старушка свое негромкое повествование. — Вот-вот вернутся твои близкие, а дом-то заперт.

— Ах, тетушка, я бы вас до утра слушала, — стремительно вскочила девушка. — Но вы правы, мне пора. Можно я еще к вам зайду?

Расстались они очень тепло. Старушка проводила девушку до дверей, и Еленка, прощаясь, сказала ей:

— Раз вы молились за пана Лесинского, и Бог вас услышал, то помолитесь и обо мне — чтобы Он осветил меня светом Своей истины, чтобы я познала эту истину в совершенстве и чтобы выстрел не настиг меня...

— Хорошо, милая, — ответила старушка.

«Какая необыкновенная женщина, — думала девушка, спеша домой. — Как же хорошо рядом с ней, а я ее до сих пор даже не замечала».

Она пришла как раз вовремя. Только-только успела приготовить жаркое, как вернулись до-

машине. Горислав, само собой, прибежал первым.

— Представь, Еленка, какая новость! В требовской гостинице остановились несколько чешских и моравских путешественников. Среди них — известный скрипач и один живописец. Мы договорились поехать на прогулку и зажарить возле требовского озера цыганское жаркое. Только одна проблема: надо уговорить пана лесника, чтобы разрешил нам, а то он такой педант. Вечером ходим к нему. И цыгане, конечно, поедут с нами — требовские барышни обещали непременно это устроить. Вот уж напляшемся!

Эта радостная новость взволновала всех. Вечер прошел в приятных обсуждениях планов — и старики, и молодежь были полны энтузиазма. Ведь ни один народ не любит лесные прогулки так, как словаки. И нет для них большей отрады, чем знакомиться и водить компанию с другими славянами. Только Еленка не чувствовала себя свободной. Она уже давно мечтала о такой поездке. И вот, наконец, ее мечта исполнится: она впервые окажется в теплой и дружеской атмосфере славянской компании. Нужно бы радоваться, да только одно ее смущало — пойдет ли Господь Иисус вместе с ней? «А почему бы и

нет, — успокаивала она себя, — ведь в этом нет ничего плохого, и Ему тоже наверняка по душе славянское братство».

Обеим господам пришлось провести почти всю ночь за приготовлениями, и только далеко за полночь Еленка ушла к себе отдохнуть. В шесть часов гости из города должны были подойти к домику помощника лесничего. К тому времени все в доме были уже готовы; даже мальчиков не потребовалось будить дважды.

Горислав так и не сходил вечером к лесничему — ему поручили написать стихотворение. К Лесинскому сразу после ужина послали Владо, а так как он все не возвращался, то пан Радонич пошел вслед за ним. И, как это частенько бывает, тоже пропал. Женщины уже начали терять терпение, когда наконец старший Радонич вернулся.

— Все в порядке, — сказал он весело. — Лесинский сразу же согласился дать нам деревьев.

— А вы его позвали с собой?

— Конечно.

— А он что?

— Отказался.

— Что же это он? — высокомерно вскинула брови жена настоятеля.

— Он ничего не объяснил, сказал только, что не может. Думаю, что Владо чего-нибудь у него выведает. Он там вместо меня остался.

— О, наш Владо на это мастер. Недаром он юрист. Так запутает Лесинского, что тому деваться будет некуда. Ну, если это какой-нибудь приспешник венгров, то лучше уж оставить его в покое⁵. Не брать же с собой шпиона, — скривилась жена настоятеля.

— Не думаю, что он венгерский шпион, ведь у него в доме повсюду словацкие книги, — с досадой ответил помощник лесничего.

— Ну, посмотрим, что там да как, — примирила обе стороны пани Радонич. — Иди-ка, старик, приляг, чтобы утром быть бодрым.

Тем временем Лесинский вел беседу с гостем в своем красивом, со вкусом обставленном кабинете.

— Судя по тому, что я вижу, — говорил Владо, — вы, пан Лесинский, настоящий словак. Да иначе и быть не может. Ваша родина, город Дубно, — символ нашего национального возрождения. В среде актеров и декламаторов я не раз слышал имя Лесинского. Если не ошиба-

юсь, некий Владимир Лесинский был одним из основателей Матицы⁶.

— Это мой отец.

— Серьезно? — оживился молодой юрист и, лукаво взглянув на собеседника, спросил невинным тоном: — А сами вы когда-нибудь играли в театре? — подумав при этом: «Вот я и поймал тебя, святоша, теперь не отвертишься!»

Лицо Лесинского осталось совершенно спокойным. Темные глаза смотрели на собеседника прямо, без тени смущения.

— Да, играл, — просто ответил он.

— И теперь не хотите даже съездить на прогулку в лес, за который отвечаете?

На лице молодого человека заиграла улыбка.

— У меня что ни день, то такие прогулки!

— Но вы же гуляете один, а нас будет целая компания. Станем развлекаться, печь дичь, угощаться пивом; приедут цыгане, будем танцевать до упаду...

— Могу себе представить, — с едва заметной насмешкой в голосе произнес Лесинский, облачиваясь о ручку дивана, — естественность жеста выдавала в нем человека благородного происхождения.

— Вы говорите «могу себе представить»... Но вас это не привлекает... Верно, вы принадлежите к какому-нибудь новому народному движению?!

— Да, пан Радонич. Ни один народ не возрождается и не развивается благодаря развлечениям.

— Но ведь это не только развлечение.

— Позвольте с вами не согласиться. Вы утверждаете, что Дубно — символ национального возрождения. И вы правы. Дубновчане — горячие приверженцы идеалов служения народу и славянского братства. И все же, оглядываясь назад, я вынужден признать, что нередко мы становились на путь служения национальной идее только потому, что нам хотелось рассеять скуку. Произносили свои речи, движимые тщеславием. Да и вы не из другого теста сделаны. Хотя завтра вы поедете в лес ради общения с чешскими гостями, но сами ведь говорите: будем веселиться, есть жаркое, пить пиво, танцевать... Если бы речь шла только об укреплении славянского братства, разве вам удалось бы позвать ваших гостей в лес? Смогли бы вы говорить о серьезных вещах, касающихся славянского единства, в величавой тишине — тишине, которая дала бы

вам шанс приблизиться к Богу, а Ему — к вам? Посмели бы рассуждать и спорить о том, каким способом лучше помочь нашим поработощенным народам? Или о том, как освободить народ от духовного рабства, как воскресить нашу впавшую в спячку молодежь? Разве славян не объединяют общие нужды, общие обиды? Или наше единство состоит только из танцев, совместной выпивки и развлечений?

Молодой юрист почувствовал легкое раздражение, на его щеках вспыхнул румянец. Не ожидал он такого ответа. Взгляд хозяина был бесстрастен, но в то же время необычайно пронизателен: казалось, Лесинский смотрит в самую глубину его души.

— Позвольте, но на важные совещания у нас нет времени. Мы молоды, нам нужно веселиться.

— Я не спорю. Но не надо облекать в одежды славянских идеалов фигуру всеобщего эгоизма. Скажите открыто: хотим поразвлечься — и все.

— Слишком уж вы откровенны, пан Лесинский. — С этими словами гость встал. — А если бы мы устроили прогулку по вашему усмотрению, пошли бы с нами? — добавил он с насмешкой.

— Да, пан Радонич, — решительно ответил лесничий, — тогда бы я с удовольствием поехал

с вами, потому что мне и теперь близки нужды моего народа и всего славянства. Я бы охотно послушал о том, как преодолеть тот всеобщий упадок, в котором мы пребываем. Очень хотел бы увидеть все это в действии!

— Ну так пойдёмте с нами, и даю вам честное слово, что будет и серьёзный разговор.

Лесник мрачно улыбнулся.

— Наверное, такой же, как на наших съездах в Дубне. Когда ваши гости уедут, после всех этих серьёзных разговоров останутся лишь слова: словацкий язык красив, славянское братство укрепилось, а словаки умеют веселиться лучше всех. Хотя пиво было плохое, мы не придавали этому значения и от души развлекались под музыку угорских цыган...

— Какой вы желчный человек, — усмехнулся Владо, — будто читаете критику из какого-нибудь венгерского журнала.

— Знаете что, пан Радонич, идите-ка вы отдохните, а то завтра я разбужу вас ни свет ни заря.

— Так мы поедем вместе?

— Ну, когда вы соберётесь, меня уже не будет.

— Значит, не поедете с нами? — нахмурился Владо.

— Не поеду. Вам, видно, еще по душе эта праздность, а с меня довольно. Это кратковременное веселье не насытит душу. Для меня теперь ценно только то, что пребывает вечно.

— Ну вы и чужак!

— Возможно. Но я бы искренне желал вам стать таким же чужаком, как я. Потому что, когда будет выпито пиво и отшумит хмельное веселье, в которое вы столь усердно себя вовлекаете, когда будут сказаны все приличные случаю слова, — в душе у вас не останется ничего, кроме пустоты. Это похоже на мыльный пузырь, что лопается от легкого дуновения ветра.

— А у вас-то что останется? — резко перебил его молодой юрист.

— Я уже сказал: то, что пребывает вечно, — ответил лесничий.

Лесинский рисовал слишком живыми красками. Но Владо понимал: этот чужак говорит сущую правду. И спросил напоследок:

— Так в чем же заключается ваше счастье, которое переживет нашу радость?

— В Боге, Который создал меня и вас. Он имеет право требовать от нас, чтобы мы жили для Него.

«Видать, он толстовец», — подумал Владо и замолчал.

Лесинский встал и учтиво проводил гостя в спальню, позаботившись о нем с братской сердечностью.

Даже во сне молодого юриста продолжали преследовать две фразы, произнесенные Лесинским: «Для меня ценно только то, что пребывает вечно, и Бог имеет право требовать от нас обоих, чтобы мы жили для Него». И все же он спал хорошо и проснулся лишь под утро, когда дружеская рука коснулась его плеча. Лесничий стоял над ним уже одетый — он был готов идти по своим делам.

— Подождите, чужак-человек. Если вы не хотите ехать с нами сейчас, я найду за вами с кем-нибудь попозже, днем, — сказал ему Владо и шутливо добавил: — Можно нам прийти на аудиенцию, о великий король требовских лесов?

— Конечно. Мой зал для аудиенций велик и доступен каждому, и я приму вас с радостью.

И раньше чем Владо успел опомниться, Лесинский дружески обнял его и вышел.

«Жаль его, — подумал молодой Радонич, — такой милый человек, даже, можно сказать, очаровательный. Если бы не одержимость, с кото-

рой он произносил тут свою речь... А так — все правда. Наше пламя — лишь нарисованный огонь. Только и делаем, что ломаем комедию. Но почему только мы? Разве не весь мир? Мыльные пузыри... Он прав! Но что поделаешь? Жизнь коротка, и надо пользоваться ею, пока не прошла. Нам нужны развлечения...»

В нескольких десятках шагов от весело забавлявшейся компании Еленка собирала цветы в небольшие аккуратные букеты. Внизу покоилась светло-голубая гладь озера, над ним склонились лесистые требовские горы. Часть компании устроилась в живописных позах на мягкой траве, сливаясь с тенями покачивающихся елей. Другая расположилась на полянке, пронизанной светом — он проникал сквозь пушистые кроны елей и буков. Молодые люди сидели и стояли вокруг весело пляшущего огня. На вертеле, который поворачивал старший Радонич, жарились крупные куски мяса. Помощник требовского учителя поливал их соусом, а Горислав подкладывал ветки в костер — огонь почти касался его красивого молодого лица. Палко и Мишко таскали из леса хворост: их шапки были украшены зелеными веточками, а рубахи схвачены у талии кушаками

из дубовых листьев. Возле небольшой группы оживленных господ слуги открывали очередной бочонок свежего пива. Его прикатили с нижней дороги, на которой остался стоять воз. На земле у бочонка по-цыгански расположился оркестр с музыкальными инструментами. Самую большую группу составляли женщины — они увлеченно стелили под развесистым кленом скатерти и аккуратно раскладывали на них принесенную в корзинах снедь. Все проходило через руки жены настоятеля и жены помощника лесничего. Одну часть припасов собирались съесть сейчас, другую — в обед, а третью — за ужином. Недалеко от хлопчущих женщин был разожжен еще один костер. На нем жена настоятеля с учительницей из Требова тушили в котелке рагу. Они резали лук, овощи, картофель, а девушки-крестьянки из прислуги в пестрых словацких платьях носили воду. Кругом царили радость и веселье. Вдруг слышались крики и смех, из леса откликнулось эхо. И до «разбойничьего» костра донеслось пение:

*Даже шепот выдаст
Эхо на равнине —
Расскажу я лесу
О своей кручине...*

В ответ зазвучал высокий чистый голос Горислава:

*Лес направо, лес налево,
И кругом — дороги.
Честным был отец, а я
На большой дороге.*

*Я у большой дороги встал,
Неправоту кляня.
Сидит неправда у дверей,
А правда у меня.*

Молодые крестьянки побежали за водой, и вскоре лес наполнился щемящими, протяжными звуками их песни:

*Ходит девушка между рощами —
Не видал ли, лес, ты любовь мою? —
Не видал... Лишь ветер-сплетник шептал,
Что оставил кто-то свой след у скал.*

*Что ж ты, девушка, все спрашиваешь —
Ведь поведала, что не мил тебе?
Да, поведала, но жалею я —
Ведь такого, как он, где сыщу?*

Еленку радовала и волновала эта пестрая красота жизни. Все ей казалось значительным и прекрасным, от переполнявших сердце чувств на глаза наворачивались слезы. Она не решалась присоединиться к остальным, так как не знала почти никого из барышень. На чешско-моравских гостей Еленка смотрела с уважением. Почти все они были очень молоды, особенно музыкант и живописец, о которых говорил Горислав. Впрочем, ее им не представили. Былолюдно, и на Еленку вообще мало кто обращал внимание. К тому же она оделась так, как обычно одевалась в лес. На ней были светло-желтое, вышитое голубыми незабудками платье и простая соломенная шляпка, в то время как остальные девушки и женщины нарядились в кружева и замысловатые шляпы, надели украшения...

Она им не завидовала. Но, стесняясь своего наряда, невольно искала тишины и одиночества. И даже не заметила, что уже не одна. Только услышав треск сухих веток у себя за спиной, обернулась.

— А, Владо, это ты? — воскликнула она с милой детской непосредственностью и освободила ему место подле себя.

— Ну, как тебе здесь нравится? — спросил он, взяв ее за руку.

— Очень нравится, — искренне призналась она.

— А что будет потом, когда цыгане заиграют! Посмотри — вон там, внизу, отличное местечко для танцев. Первым будет чардаш — пообещай танцевать его со мной.

— А я и не знала, что будут танцы, — смущаясь и осторожно высвобождая руку, ответила она. — Наверное, Горислав рассердится, если я стану танцевать не с ним.

— Неужели, — возразил он с совершенно невинным выражением лица, — он не позволит мне потанцевать с будущей невесткой?

Девушка покраснела и про себя подумала: «Раз он так говорит, значит, уже не сердится, что мы обручились», а вслух произнесла:

— Тогда я согласна, но скажи ему об этом сам. Вообще-то, я чардаш не очень хорошо танцую, мне больше нравится вальс.

— Ну так я попрошу, чтобы первым был вальс. Мне он тоже больше нравится.

Снизу донеслось пение. Вначале мелодию выводил только один женский голос, потом к нему присоединились другие.

*Рощица зеленая, милая, расти,
Только за другого нет, не выходи. —
Не надейся, милый, я расту, любя,
Выйду за другого, но не за тебя.*

Еленка закончила составлять букет и сложила оставшиеся цветы в бледно-желтый подол своего простого платица. Ее шелковистые ресницы мягко опустились, маленькие руки замерли на коленях посреди пестрого вороха... Она принялась мечтать — так, как это умеет лишь безмятежная юность. Правда, она была не одна, но ведь Владо — друг детства, который так хорошо знает того, с кем ей суждено рука об руку шагать по жизни. Мысленно она оказалась сейчас там, возле огня, где как раз в эту минуту взметнулось пламя, озарившее лицо ее возлюбленного. А Владо — он как будто заглянул в мечты девушки — и со всей мучительностью неразделенного чувства особенно остро осознал в эту минуту, что возле него сидит совершенно прелестное и трогательное создание, с которым не могут сравниться никакие садовые розы.

Страсть, скорбь, гнев и еще что-то тяжелое, темное — что невозможно описать словами — промелькнули у него на лице. Он резко

повернулся к Еленке — как будто хотел схватить эту хрупкую девушку, крепко прижать ее к себе и, прежде чем она окажется в объятиях брата, прыгнуть вместе с ней в эту безмолвную голубую бездну, которая навсегда сомкнется над ними...

В эту минуту внизу цыгане ударили по струнам, и по лесу разнеслась страстная зажигательная музыка... «Ну хотя бы один танец, пока цыганское жаркое не дожарится», — умолял кто-то у костра.

И вот, женщины уже кружатся в хороводе, а кавалеры вышагивают перед ними в чардаше; все начали танец почти без подготовки, словно одновременно прыгнули в огонь.

— Еленка, пойдем и мы, — сказал Владо, поднимаясь на ноги и пытаясь стряхнуть с себя тяжелое наваждение. — Если не умеешь хорошо танцевать чардаш, я научу тебя.

Она подняла на кузена свои темно-серые, еще подернутые дымкой мечтательности глаза. Голос Владо показался ей каким-то чужим, словно на него перекинулось что-то от того, нижнего, костра.

— Нет, Владо, я не пойду, — ответила она с испугом, — я лучше потом, когда вальс заиграют.

— Ну ладно, я приду за тобой.

Он учтиво поклонился и скрылся в зарослях. Она и не подозревала, какое адское пламя пришлось потушить ему в себе, когда — по обыкновению веселый, обаятельный, остроумный, сыпавший во все стороны шутками и анекдотами — он присоединился к остальному обществу.

Девушка закрыла руками лицо, склонила голову и подумала: «Господь Иисус все еще со мной? И останется со мной, когда я пойду танцевать?» Казалось, будто какой-то голос говорил ей: «Не ходи туда, Еленка!» Но все же ей придется пойти, а то Владо обидится, да и Горислав станет сердиться... Она ведь будет танцевать только с ними. Горислав ее жених, а Владо — его брат.

Еленка взяла букет и неторопливо пошла вниз. Под звуки непокорного чардаша приближалась она к веселой компании.

— Еленка, ты здесь? — обнял кто-то ее за плечи. — Я уже отчаялся тебя отыскать! Где ты была, голубка моя?

— Там, на камнях, Горислав. А зачем ты искал меня?

— Как зачем? Ты что, не слышишь? Пойдем, еще успеем сплясать чардаш.

— Нет, Горислав. Владо попросил пойти с ним, а я отказала. Он обидится, если нас увидит. Закажи потом мазурку, вот и станцуем вместе.

— Хотел бы я знать, что это ему взбрело в голову пригласить тебя, — раздраженно отозвался Горислав. — Здесь полно других девушек. Ну, пускай у него пройдет охота, с тобой буду танцевать только я.

— Ишь ты, какой эгоист, — подходя к ним, громко засмеялся учитель Врана. — И где это написано, дорогой мой, что ты один имеешь право танцевать с барышней Еленкой?

Девушка оставила их обоих и пошла помогать матери. Но когда по лесу разнеслись звуки мазурки, прибежал Горислав, и не успела Еленка оглянуться, как он уже уносил ее в своих объятиях.

Еленка любила и умела хорошо танцевать. Ни одна танцующая пара не могла сравниться с ней и Гориславом. То и дело юноша шептал ей слова любви, но Еленке от них делалось как-то не по себе, потому что чем дальше они танцевали, тем более страстными становились его речи. Он прижимал ее к себе так, что были слышны бешеные удары его сердца, и у нее захватывало дух. Когда танец закончился, все ее тело дрожало мелкой

дрожью. Вытирая пот с побледневшего лба, она бессильно повисла у него на плече.

— Ах ты, моя героиня, — пошутил Горислав. — Тебя лишила сил одна-единственная мазурка. Посмотри на барышень С. Обе танцевали и чардаш, и мазурку, а по ним этого даже не заметно.

— Они-то привыкли, а я нет, — ответила Еленка. При этом ей стало вдруг так грустно и тревожно, словно она после яркого света оказалась в кромешной темноте.

Горислав нашел тихое местечко и отвел ее туда отдохнуть. Сам же встал перед ней на колени и продолжал говорить то, что твердил во время танца. Он попросил у нее поцелуя, а когда получил его — такой чистый, невинный, как поцелуй ребенка, — потребовал еще.

— Горислав, не теряй голову. Зачем все время повторять одно и то же? Я знаю, что ты меня любишь. Я не сомневаюсь в этом. К чему такая настойчивость?! Знаешь, я уже начинаю бояться, когда ты вот так сходишь с ума!

— Не сердись, Еленка, я буду как овечка. Но ты такая красивая, что невозможно находиться рядом с тобой и не сойти с ума, — сокрушенно признался он.

— Ну, чтобы ты пришел в себя, пойдём-ка к маме. — Она вскочила и исчезла так быстро, что он с трудом догнал ее.

За столом уже принялись за угощение. Обменивались тостами, шутками, анекдотами. Господа ухаживали за дамами, а дамы старались обворожить господ. Горислав продекламировал стихотворение, написанное в честь гостей, а врач и аптекарь из Требовой разыграли в лицах забавную юмореску. В ответ музыкант исполнил прекрасную пьесу, а художник тем временем набросал на листе групповой портрет собравшихся. Выпили за славянское братство. Спели гимны «Гей, славяне» и «Где ты, родина моя?». Потом часть гостей отправилась полюбоваться прекрасным видом с высоких требовских гор. После обеда — во время которого тоже играли цыгане — снова начались танцы, не утихавшие до самого полдника. Общество высказало единодушное мнение об экскурсии — что она превзошла все ожидания и объединила близких по духу людей.

Когда подошел черед вальса, Владо приблизился к Еленке. Ах, если бы она могла взять свои слова обратно! Девушка хотела было отыскать какой-нибудь предлог, чтобы не идти с ним, но не успела: он быстро втянул ее в вихрь танцующих.

Владо был неплохим танцором, да и красивая щемящая мелодия как нельзя больше отвечала его настроению. Девушка прикрыла глаза: почему-то ей было неприятно видеть рядом с собой лицо кузена. В ее сердце набатом звучали слова, что это ее последний танец. Ведь Господь Иисус здесь, рядом, и она уже обидела Его тем, что так скакала тогда, перед обедом...

Танцуя, она бегло оглядела соседние пары. Посмотрев на их разгоряченные лица, она обратила свой взор на партнера. Сама не зная отчего, она была странно поражена его пристальным взглядом. И вдруг у девушки словно пелена с глаз упала: ей нельзя больше танцевать с ним! Это был Владо, ее друг, но смотрел он на нее так же, как совсем недавно смотрел Горислав!

Внезапно она поняла, что должна помешать чему-то злему, темному, что нависло над ней... Ах, бедная Еленка! Было уже поздно. Когда она сказала, что не может больше танцевать, Владо лишь молча поклонился ей и тотчас ушел с площадки. Взяв с собой несколько гостей, он отправился на поиски нового лесничего.

— Слушай, Горислав, ты, кажется, пустил козла в огород, — съехидничал учитель Врана.

Не поворачивая головы, одними глазами он указал своему другу на красивую пару, которая как раз кружилась в вальсе. До этого юноша, наблюдая за танцующими, не находил в их поведении ничего дурного, но теперь вдруг отчего-то похолодел.

Он взглянул на брата, потом на Еленку... О, иногда одно сердце понимает другое без слов. Только очень близорукий человек не смог бы прочесть на лице у Владо то, что творилось в его душе.

«Как же он смотрит на нее, как обнял и прижал к себе! А она кажется такой счастливой — даже глаза закрыла! Ко мне она, — думал Горислав, — так близко не подходила. Пообещала ему этот вальс, а со мной не захотела танцевать, чтобы он не обиделся. Владо ей пыль в глаза пускает, а она... Такая наивная, неискушенная... Неужто я должен все это терпеть?!» В этот момент Еленка остановилась, взглянула на своего партнера, и они закончили танец. Горислав вздохнул. А вдруг брат ей нравится больше — что тогда делать?

— Ну что ты встал как вкопанный? — подзуживал его Врана. — Раз она твоя невеста — пойдй объясни ему что к чему, да не порть себе настроение!

Но настроение уже было испорчено. Теперь Горислав следил за каждым шагом, за каждым взглядом Еленки и вздохнул с облегчением лишь тогда, когда прозвучало: «Пора по домам — нам далеко ехать!»

На него возложили почетную обязанность проводить гостей в Требову. Юноше хотелось скрежетать зубами от ревности: ведь Владо останется здесь и пойдет домой вместе с семьей дяди. Но приличия не позволяли отказаться или проявить беспокойство — в обществе принято смеяться, даже когда на душе скребут кошки. Неужели нет никакого выхода? Вдруг его осенило.

— Пойдемте мимо дома нового лесничего! До него можно идти всем вместе, — предложил Горислав.

Идею тут же одобрили.

«Ну а потом у Владо не будет возможности поговорить с ней», — подумал Горислав.

Все общество с музыкой и пением направилось по лесным тропам к дому лесничего. Цыгане сыграли в последний раз для пана Радоница и дам из его семейства, и гости стали прощаться.

Долго еще стояла Еленка возле садовой ограды Лесинского, провожая взглядом уходящую компанию. Девушке хотелось только одного:

вбежать в уютную горницу няни лесничего, броситься у ног этой пожилой женщины на колени и рассказать все-все — и как понятны теперь ей, Еленке, слова пана Лесинского о том, что светская жизнь и небо не совместимы; и что не было с ней в лесу Господа Иисуса, а если и был, то она Его наверняка огорчила и что ей от этого очень-очень больно...

— Еленка, ну пойдем домой, — заныл маленький Мишко, и она послушно зашагала по тропинке вслед за братом.

Внезапно кто-то преградил ей путь.

— Пстой, Еленка, не уходи!

— Владо! Что тебе нужно? — Испугавшись, она прислонилась спиной к старому одинокому дереву. Солнце уже скрылось за лесом, и на землю опустились сумерки. — Я и не знала, что ты все еще здесь!

— Да вот, ждал тебя.

— Зачем? — Она попыталась придать уверенности своему голосу.

— Разве ты не видишь, не чувствуешь, что со мной творится?

Не ответив, она изумленно взглянула на него. Вокруг быстро темнело — ночь решительно вступала в свои права.

— Еленка, или я погибну, или ты будешь моей! — воскликнул Владо, хватая ее за руку.

— Владо! — удивленно и испуганно вскрикнула она, отпрянув от него и пытаясь вырвать руку. — Прекрати! Ты же знаешь, я принадлежу Гориславу...

— Не мучай меня, не говори о нем! Я не знаю, что сделаю, если ты будешь повторять это!

— Но я должна повторять, потому что обещала стать его женой. Разве ты не знаешь, какой это страшный грех — обмануть человека? А он меня так любит!

— Но я тебя люблю в тысячу раз сильнее!

— Ах, Владо! А как же Марта?

— Невеста еще не жена. Верну ей кольцо — мы с ней не любим друг друга. Забери и ты назад свое обещание Гориславу и выходи за меня, Еленка... Ты должна стать моей, я не могу без тебя жить!

Он бросился к девушке, чтобы заключить ее в свои объятия. Она была невысокой, хрупкой и вряд ли могла оказать серьезное сопротивление взрослому мужчине. Но есть в невинности такое величие и такая власть, что их не может одолеть никакая сила. Защищаясь, Еленка сжала у груди маленькие кулачки. Ее круглые от изумления

глаза смотрели на Владо так, что у того невольно опустились руки.

— Не смей прикасаться ко мне! — голос Еленки зазвучал с поистине королевским достоинством. — Если ты с такой легкостью нарушаешь свое обещание, то знай, что мое для меня свято. Я не стану топтать людские сердца!

— Так уж и не станешь?! А что же ты делаешь сейчас с моим сердцем?

— Пойми же, Владо, я не могу принадлежать вам двоим... — По ее побледневшим щекам медленно потекли слезы. — Ты же знаешь, что Горислав любит меня с детства, что он любит только меня!

— Только тебя? — горько и зло усмехнулся он. — Вот бы привести сюда всех, с кем он крутил романы... Ну, раз ты так хочешь, знай, что ты до сих пор была лишь его музой. А для кое-чего иного ему нужны были другие, отнюдь не невинные женщины.

Она была слишком чиста, чтобы понять до конца весь смысл его жестоких слов. Но все равно они прошли по ее сердцу, словно стальное лезвие. Она положила себе на лоб холодную руку. Где она? В какую пропасть упала? Неужели Горислав лгал ей и теперь, и раньше? И не ей

одной, но и тем, другим? Есть ли вообще правда на свете, можно ли еще кому-то верить?

— А можешь сказать мне, кто из нас имеет на него больше прав? — прошептала она едва слышно.

— Неужели ты думаешь, Еленка, что можно вступать в любовную связь без свадьбы?!

Ни один вздох не вырвался из ее груди, ни один стон. Но ей казалось, что вдалеке чей-то знакомый голос повторяет и повторяет для нее слова песни: «Взметнулась пуля — не спи, мой милый!» Сердце бешено стучало. Она чувствовала, что в него вошел острый кусочек металла — глубоко-глубоко!.. Ее глаза помутнели от горя. Она смотрела на кузена, как подстреленная олениха смотрит на охотника, который нанес ей смертельную рану. Нетвердой походкой девушка медленно пошла вперед.

А у него не хватило мужества остановить или окликнуть ее. Он понял, что совершил страшное преступление. Но выпущенное жало и сказанное слово назад не воротишь... и оба подчас несут в себе смертельный яд. На мгновение его пронзила острая жалость, ему показалось, что этот взгляд раненой оленихи будет преследовать его всю жизнь.

«Ну зачем ты сказал ей? — обвиняла его совесть. — Зачем донес на брата? Взгляни лучше на свою запятнанную юность! Теперь Еленка не выйдет за него, а если выйдет, не сможет доверять ему и это сделает ее несчастной. Но если она не будет принадлежать Гориславу, то станет ли твоей? Его счастье ты погубил, а своего не нашел. Зачем ты это сделал?» Потом в нем заговорили досада, гордость, уязвленное самолюбие... Он почувствовал, как низко пал в глазах девушки. «Ну и пусть! — сказал он себе. — Раз не будешь моей, то и его не будешь, никогда!»

Все очень устали, поэтому быстро улеглись в свои постели. Когда Владо вернулся, света в доме уже не было. Прямо в одежде он бросился на диван и — спал ли он? Ах, может ли спать человек, который только что предал родного брата и погубил ту, которую любил?

Еленка попросила разрешить ей в эту ночь спать на пасеке вместе с мальчиками. Уложив братьев и погасив свет, она села на ступеньки крыльца и впала в какое-то странное оцепенение. Она даже сама не могла понять, что чувствует, о чем думает... Но одно ощущение все же было в ее душе совершенно отчетливым: ощущение того, что в ней навсегда умерло доверие к людям.

Владо, которого она уважала с детства, — мерзкий доносчик, а Горислав — предатель, изменивший и ей, и другим. Сможет ли она завтра посмотреть ему в глаза? Сможет ли относиться к нему как прежде? И когда он заметит в ней перемену и начнет выпытывать, почему она изменилась, — тогда ей придется сказать о Владо... О, каким черным стал для нее мир — без единого лучика света. Прежнее счастье улетучилось, как дым от вчерашнего костра.

А если Владо наговорил всех этих ужасных вещей от отчаяния, и Горислав невиновен? Раз Владо смог предать Марту, верно, он на все способен... Но на такую клевету? Нет, не может быть! О, невозможно описать, как болит сердце, как мучается душа!

В верхушках деревьев завывал ветер, над ними носились рваные облака. На небе не было ни одной звездочки. Солнечный день сменился беспросветной ночью. Но она была не темнее той, что воцарилась в юной душе. О, если бы она могла хотя бы заплакать! Но даже слезы не хотели увлажнить ее горящих сухим огнем, воспаленных глаз.

К утру ветер мало-помалу стих и небо постепенно прояснело. Начало светать. Просну-

лись птички, которые молчали всю ночь, и запели свою утреннюю песню. Но у девушки было только одно желание — улететь прочь вместе с уходящей ночью, улететь далеко-далеко. Обесилевшая после напряженного дня и пережитого потрясения; уставшая после бессонной ночи; сломленная и телесно, и душевно, она наконец заснула прямо на ступенях. Это был не сладкий сон юности, а какое-то вымученное забытье.

Пасека лесника стояла на опушке глухого леса, и к дому от нее шла тропинка. Девушка была уверена, что здесь ее никто не увидит. Когда около четырех часов у домика раздались чьи-то шаги, она их уже не слышала. И конечно, ей и в голову не могло прийти, что здесь может появиться именно этот человек.

За день до этого Лесинский пообещал своему помощнику, что разбудит его на заре, и они вместе пойдут в лес, где их ожидала работа. Но уставший после пикника пан Радонич совсем забыл об их уговоре и отправил мальчиков и Еленку на пасеку. А вот Лесинский не забыл. Он шел прямо к домику, в котором думал найти своего помощника. Как же он удивился, когда увидел на крылечке спящую девушку!

— Ах, Еленка! — вырвалось у него.

Он опустился на колени и с минуту в немом изумлении смотрел на этот прекрасный, но словно надломленный цветок. Затем взял сцепленные холодные руки девушки в свои и попытался согреть их. Она пошевелилась, но не проснулась. Как же бледно было это еще вчера такое румяное личико! Сколько боли затаилось в скорбных складках вокруг приоткрытых губ! И какая же пуля тебя настигла? Он печально вздохнул и посмотрел в сторону отворенных дверей пасеки. Увидел спящих друг возле друга на соломенных тюфяках сыновей Радонича, а неподалеку — нетронутую постель, приготовленную на топчане. Значит, она просидела здесь всю ночь!

Он поднял девушку — легкую, словно перышко, — внес внутрь, смахнул капли росы с ее волос и лба... Это было все, что он мог для нее сделать, пока она не проснется и не расскажет, что с ней случилось.

На пороге он еще раз обернулся. «Господи, что бы с ней ни случилось, дай ей в награду то, что пребывает вечно», — сказал он вполголоса.

Он не пошел будить Радонича. Низко опустив голову, Лесинский грустно направился в лес. Проходя через рощу, он заметил красивый, но уже тронутый увяданием букет, который лежал

под старым одиноким деревом. Роща словно объясняла леснику, что случилось, словно жаловалась, — но он не понимал ее.

Было почти одиннадцать, когда Горислав наконец возвратился из Требовой, так как туристы решили еще немного задержаться в гостинице, где они ели, пили и веселились до самого утра. Блюда, напитки, речи и песни без конца сменяли друг друга — вероятно, чтобы газетам было потом о чем писать. Само собой, утром никому не хотелось вставать.

Горислав прибавил шагу. Он чувствовал себя опустошенным, как это обычно бывает после хмельной ночи. Ни единого хорошего или благородного воспоминания не оставил вчерашний день. В этом не было ни чистоты, ни настоящей радости, ни истинного идеала; все было покрыто грязью, которую несут с собой неумеренные наслаждения; за всем стояло лишь одно желание — утолить собственную похоть.

Время от времени Горислав думал о том, как же ему теперь вести себя с Еленкой. Вот бы устроить так, чтобы и Владо высказать свое недовольство, и ей дать понять, как он на нее сердится. Задумавшись, он не сразу увидел дядю, который торопливо шагал ему навстречу.

— Ты один, Горислав? А где Владо? — издалека закричал лесничий — его обычно добродушное лицо выглядело обеспокоенным. — Ты не видал Владо? — продолжил он, даже не ответив на приветствие.

— Нет. А что это вы вдруг так о нем печетесь, дядюшка? Он же, слава Богу, не малое дитя, не потеряется! — раздраженно заметил Горислав.

— Ах, Горислав, кажется, Еленка заболела, — с тревогой сказал пан Радонич, подходя к племяннику. — Наверное, вчера простыла. Утром, когда мать ее разбудила, она была очень бледная и жаловалась на головную боль, хотя встала, ходила и делала все, как обычно. Но когда к завтраку пришли тетушка с Владо, у нее закружилась голова и она чуть не упала. Потом ее стало знобить, а теперь вот вся горит. Не смотрит на нас, ни с кем не разговаривает... Тетя послала Владо за врачом. Странно, что он тебе по дороге не встретился.

Побледневший юноша не дослушал дядиного рассказа. Он побежал напрямик к дому. Какой там гнев, если Еленка больна?! Может, это из-за того танца? Он еще раз, словно наяву, почувствовал, как после мазурки она оперлась на его

плечо. Вечером клял ее на чем свет стоит, и вот теперь она больна! Пусть хотя бы посмотрит на него, скажет что-нибудь!

С этими мыслями он ворвался в дом.

— Палко, где Еленка? — спросил он у мальчика, сидевшего в гостиной.

— Там, в комнате, но она спит, — грустно ответил Палко. — Я не хочу, чтобы Еленка болела, — добавил малыш и, хотя он нес с собой лошадку и кнутик, было видно, что у него нет никакой охоты играть.

Юноша отворил дверь, его сердце бешено колотилось. В комнате были и его мать, и Еленкина. Не обращая на них никакого внимания, он подошел к постели и стал жадно вглядываться в лицо девушки.

— Еленка, любимая, что с тобой? Посмотри на меня, родная, — попросил он с тоской.

Она слегка пошевелилась, ее грудь поднялась от глубокого вдоха. Шелковистые ресницы затрепетали, и милая детская улыбка мелькнула на бледных губах. Но потом, как у цветка, вновь тронутого морозом, ее глаза закрылись, и никакие слова уже не могли заставить их открыться.

После обеда пришел врач и определил сильную простуду в сочетании с нервным срывом.

Прописывая лекарства, он высказал надежду, что с их помощью — да в такие-то годы! — сама природа исцелит.

«Странно! — думал он. — По дороге старший Радонич заклинал меня, чтобы я спас жизнь больной, но выглядел при этом так, словно его самого только что из гроба вынули. А в доме младший Радонич умоляет: „Спасите мне ее, спасите!..“, но и у него вид не лучше».

Счастье покинуло дом лесника. Постарел и осунулся Радонич, его жена ходила испуганная и заплаканная. Они видели, что сама смерть замахнулась на их любимое дитя. Супругам казалось, что впереди их ждут долгие годы отчаяния.

Не хотелось жене настоятеля уезжать от своих родственников, когда они в таком положении, но обязанности хозяйки вынуждали ее вернуться в Туру. Сыновей она оставила у Лесинского, который, узнав о случившемся, тотчас нанес визит в дом Радоничей и предложил братьям пожить у него. Было как-то странно, что в эти печальные дни они совсем не говорили друг с другом. Страдая, Горислав все же не мог не замечать мучений Владо, ему даже казалось, что они глубже его собственных. Просыпаясь иногда по ночам, он

видел, что Владо не спит, и порой слышал его стоны. Однажды ему показалось, что Владо стоит у кровати на коленях и плачет. Общее горе подчас примиряет людей, но Горислав в ту минуту подумал с тоской: «Он не имеет права так страдать, не имеет право любить ее, как свою невесту». А о чем думал Владо?

Невозможно описать его яростных, мучительных, полных отчаяния мыслей. Он видел горе родителей девушки и знал, что заслужил их проклятия. Каждое их приветливое слово звучало укором для его совести. Глядя на скорбь брата, он вдруг почувствовал в сердце такую любовь к тому, кого предал, какой не испытывал никогда прежде. Будь его воля, он бы жизнью заплатил за то, что отнял у него и чего уже нельзя было вернуть.

Однако у братьев было в эти дни и некоторое утешение — от того, кто верил в Бога и умел молиться. Когда Лесинский звал их утром и вечером на совместную молитву, им даже в голову не приходило отказываться. Горислав хватался за эти молитвы, как утопающий за соломинку. Переживания Владо были намного глубже. Устремляя взгляд к Богу, к Которому обращался Лесинский, он чувствовал себя великим грешником

и понимал, что ему нужна чья-то помощь, чтобы спастись от гибели.

Лесинский предложил братьям внимательно читать Слово Божье. Пообещали оба, но читал один лишь Владо.

— Лучшее средство от горя — труд, — сказал как-то Лесинский. — Пойдемте-ка со мной в лес!

Владо пошел и стал помогать Лесинскому вместо Радонича-старшего, за что тот был ему очень благодарен.

Слова Лесинского о Боге мучили молодого юриста. Он часто говорил себе, что больше не пойдет с ним в лес, но снова шел. Чем спокойней и счастливей был Лесинский, тем более раздраженным становился Владо. Он пристально наблюдал за одинокой жизнью этого человека, до конца посвятившего себя своему призванию. Как же неутомимо он боролся против пьянства и людской безнравственности! Как душевно заботился о стариках и нищих, стараясь помочь им словом и делом. Как терпеливо исправлял ошибки дяди-лесника, даже не вспоминая о них. А как вежливо и предупредительно вел он себя с этим пожилым мужчиной, словно они были едва знакомы. Общаясь с Лесинским, Владо вынужден

был признать, что если бы каждый образованный человек жил согласно своему призванию как живой пример для окружающих, то очень скоро стали бы возможны и серьезная общественно-политическая реформа, и нравственное возрождение народа. Он осознавал, что так может жить только тот, кто сумел подняться над миром и его суетой и кому Бог дает на это силы. Однажды он заметил, что Лесинский раздает молодым крестьянам Священное Писание, и поинтересовался у него:

— Почему бы вам не распространять среди людей обучающую и развлекательную литературу? Благочестивой у них и дома хватает.

— «...Будут все научены Богом»⁷ — так говорит Писание. — Когда наш народ познает Бога и Бог научит его, то он будет способен понимать и ту литературу, которую предлагают ученые. Чтобы развивался разум, нужно сначала подготовить сердце.

В воскресенье после обеда Еленке немного полегчало, и пани Радониц ушла отдохнуть. Около девушки осталась Кудлова, которая обычно сменяла возле нее мать. Лекарь даже говорил, что старушка действует на больную успокаивающе.

Еленка узнавала ее каждый раз, когда она входила, и все время хватала за руку, словно ждала от нее помощи.

— Ах, и что с тобой приключилось, голубка моя, — вздохнула пожилая женщина, думая, что Еленка спит.

Как же она испугалась, когда нежные уста девушки, — а она долгое время, кроме «да» и «нет» или «воды, пожалуйста», ничего не говорила — вдруг совершенно отчетливо произнесли:

— Едва я познала Божью истину, как настигла меня пуля. Скажите пану Лесинскому, что первое счастье моей юности уже умерло.

Старушка в недоумении положила руку на лоб девушки.

— Не бойтесь, тетушка, я никогда не была без памяти. Я все слышу, и мне очень неприятно, когда он приходит и говорит со мной.

— Кто, дитя мое?

— Горислав, тетушка.

— Что же так, голубка моя? Ведь это твой жених?

— Жених, жених! О, это был сладкий сон, который никогда не вернуть!

Крупные слезы потекли по ее пылающим от жара щекам.

— Милое дитя, посмотри, какой у тебя тут стоит красивый букет, — ласково сказала старушка, чтобы отвлечь ее.

Темно-серые, сияющие чистотой и наивностью глаза Еленки открылись.

— Кто его принес?

— Я, золотце мое. Господин мой нарвал цветов, а я собрала их в букет.

— Пан Лесинский? Спасибо. Такие красивые!.. Поблагодарите его от меня.

— Еще он велел мне заверить тебя — когда ты успокоишься, — что Господь Иисус теперь и навеки с тобой. Он возмещает всякую потерю, исцеляет любую болезнь, даже когда земное счастье покидает нас, словно сон. Он может дать нам то, что пребывает вечно.

Эти слова были именно тем, в чем больше всего нуждалась сейчас измученная душа Еленки. Девушка жадно внимала им всем своим существом — так исстрадавшийся от жажды путник приникает устами к живительному роднику.

— А что же пребывает вечно? — тихо спросила она.

— Только Господь Иисус. Он может дать тебе Самого Себя, причем прямо сейчас. Все думают, что ты простудилась. Но мой господин и

я догадываемся, что тебя постигло какое-то горе. Потому-то он и просил меня передать тебе эти слова. Мы за тебя постоянно молимся, да и оба твоих кузена молятся за тебя — по утрам и вечерам.

— И Владо? И он здесь? — испуганно переспросила она и невольно стала оглядывать комнату.

— Здесь его нет, — успокоила ее старушка. — Мы тут одни, только Господь Иисус с нами. Пан Радониц живет у нас в доме.

— У вас? А Горислав?

— И он тоже.

— Оба! Бедный Горислав! Если бы он знал, кто его предал — ах, я снова думаю об этом! Если бы я могла умереть и навсегда забыть о том, что нигде в этом мире нет чистоты и правды!

И, жалобно вздохнув, она умолкла.

— О, ты ошибаешься, Еленка! Есть на земле чистота и правда — в тех сердцах, которые отдались Богу и которые Он омыл кровью Иисуса Христа.

— Да, в таких, наверное, есть. Но не в наших. Нас Он не очистил, мы осквернены собственными и чужими грехами. Нет, не существует на земле верности, есть только измена, и я

не в силах найти никакой правды. Надо бы мне позвать Горислава и спросить его, виновен он или нет. Ах, хоть бы он сказал, что невиновен, или еще как-нибудь объяснил... я бы тут же выздоровела! Но как я могу спросить, пока не признаюсь, откуда это узнала?

— Милая девочка, раз ты не спишь, я почи-
таю тебе из Слова Божьего. Хочешь?

— Слово Божье? Ах, да, мне надо бы самой
читать его. Только подложите мне, пожалуйста,
что-нибудь под голову. Да, вот так, и подойдите
поближе, чтобы я вас лучше слышала.

Старушка выбрала пятнадцатую главу Еван-
гелия от Луки. Она с благоговением читала исто-
рии о пропавшей овце, о блудном сыне, о добром
пастыре, который искал потерявшуюся овцу, и
об отце, который все простил неверному сыну.
Когда она дошла до того момента, где брат за-
видовал спасшемуся и прощенному брату вместо
того чтобы радоваться, старушка услышала воз-
ле себя чей-то смущенный голос:

— Не читайте, пани Кудлова, она спит.

У нее чуть было не выпала книга из рук, когда
она увидела перед собой Владо Радонича. Он,
видно, пришел не только что, а уже сидел тут не-
которое время.

— Вот бы узнать, что с ней случилось, — сказала пожилая женщина с неожиданной решимостью. — Кто ее так опечалил, из-за кого смертельно болит сердце?

Она взглянула юноше прямо в лицо. Оно было страшно бледным, осунувшимся. Владо будто не слышал Кудлову, он смотрел на девушку с выражением сострадания и напряженной сосредоточенности. Вдруг он наклонился и прикоснулся губами к ее тонкой руке.

Старушка услышала:

— Не волнуйся, Еленка, я верну тебе покой, чего бы мне это ни стоило.

Владо выпрямился, еще немного постоял у постели девушки, а затем направился к выходу.

— Куда вы, пане? — остановила его женщина, обьятая непонятным страхом.

— Пойду расскажу Гориславу то, чего сама Еленка не может рассказать, — ответил он холодно и исчез в дверях.

Кудлова, будучи не в состоянии ничего сделать, сложила все в своих молитвах к ногам Иисуса.

У Лесинского сидело несколько крестьянских ребят, которые внимательно слушали увлекательные истории молодого лесника об обращении

словаков в христианство. И тут почти бесшумно отворилась дверь.

— Здравствуйте, пан Радонич, — сказал хозяин, подавая руку вошедшему в дом Владо.

— Не знаете ли вы, пан Лесинский, где Горислав? — не ответив на приветствие, спросил молодой человек.

— Только что ушел в сосновый лес, на ту поляну, где родник. Говорят, там очень хорошая вода — он хочет принести ее барышне Еленке.

— Он туда один пошел?

— Андрей, лесник, был с ним.

— Вот как? Ну что ж, спасибо. Извините за беспокойство, — сказал Владо, а потом добавил по-венгерски: — И вообще спасибо вам за все.

Почти в получасе ходьбы от дома лесника находилась поляна, разделенная на две части ручьем. Недалеко от него из земли бил небольшой родник, около которого стояли старый лесник Андрей с полным кувшином в руке и Горислав.

— Знаете, пане, пойду-ка я с водой к дому пана Радонича, а вы еще поищите те травы, что вам моя жена посоветовала. И то правда, травы лечат подчас лучше любых лекарств.

Юноша кивнул леснику, а когда тот ушел, уселся на камень близ ручья, положил голову на

руки и задумался. Его мысли унеслись во времена счастливого детства, когда они с Еленкой как раз в этих местах искали землянику. Она зашла слишком далеко и заблудилась, а он, рыдая, вернулся домой один. Что будет, если она теперь оставит этот мир, и ему придется идти по жизни без нее? Нет, нет — об этом даже думать не стоит! Он встряхнул головой и сказал себе, что этого не может быть. Смерть не посмеет забрать ее у него.

Сухие ветви затрещали под чьими-то ногами. Горислав обернулся — по тропинке к нему приближался Владо. «Что это он пришел, — промелькнуло в голове у Горислава. — Уж не с плохими ли вестями?» — и, вскочив на ноги, быстро спросил:

— Ты от Еленки?

— Да, — бесстрастно ответил брат. — Я пришел рассказать тебе, почему Еленка больна. Но дай слово, что не прервешь меня до самого конца. А потом делай со мной, что хочешь. Я в твоей власти.

— Зачем столько предисловий? — нетерпеливо сказал Горислав. — Говори быстрее.

— Я любил Еленку так же, как ты, а может быть, и сильнее.

— Владо!

— Прощу тебя, не прерывай меня! Я полюбил ее с того момента, как мы втроем катались на лодке по нашей реке. Помнишь, тогда из-за твоего баловства лодка перевернулась, и я спас ее? Тщеславные амбиции и холодный расчет побудили меня искать руки Марты Зеленицкой. Я добился своего, но когда после помолвки впервые взглянул Марте в глаза, понял, что она мне не пара. С ней я бы убил свое сердце. А когда ты обручился с Еленкой, мне стало совсем невмощно. Я знал, что ты слагаешь о ней стихи, но знал также и то, что любовь к ней не удерживает тебя от запретных наслаждений.

— Владо, к чему ты клонишь? — страшно побледнев, воскликнул Горислав.

— Я ведь говорю правду, не так ли? Если хочешь, чтобы твои тайны оставались при тебе, научись лучше прятать письма фривольного содержания.

Владо вынул из кармана два густо исписанных листка и подал их залившемуся краской брату со словами:

— Я нашел их в кармане своего фрака, который ты как-то брал у меня на бал.

— Владо, ты ошибаешься и сам того не понимаешь. Я не так уж далеко зашел в этих вещах и...

— Помолчи уж лучше: зачем отрицать очевидное? Не ты первый, не ты последний... Я тебя не осуждаю, хотя еще недавно презирал за то, что ты можешь так жить и вместе с тем воспевать в стихах эту воплощенную чистоту и невинность, этот прекрасный лесной цветок. И ты, заведя интрижку, обручился у меня на глазах с созданием, ради которого я был готов отречься от всего на свете! Муки ревности ужасны... Впрочем, к чему оправдываться? Во время той поездки в лес мои страдания достигли предела. На обратном пути я признался Еленке в любви. Но она — такая чистая, добрая, верная — не захотела даже выслушать меня и напомнила о Марте. А на мою просьбу отречься от данного тебе обещания ответила, что не желает топтать человеческие сердца. Сказала, что ты любил и любишь только ее одну. И тут я потерял разум... Я хотел уничтожить тебя, а уничтожил ее. Я рассказал ей обо всем.

— О чем, Владо? Ты что, показал ей письмо? — Горислав покраснел еще больше.

— Может, я и сделал бы это в порыве безумной страсти — письмо было у меня с собой. Но я не сказал ничего, кроме того, что ты крутил романы с другими и им тоже обещал быть верным.

Однако для нее и этого оказалось достаточно. — Владо помолчал, мысленно подводя итог всему сказанному, а потом выдохнул: — Ну, вот я и признался... Ты имеешь полное право наказать меня за предательство. Делай что тебе заблагорассудится, я не стану защищаться. Если хочешь, можешь пойти к ней и выдать меня за лжеца. Она тебе поверит. Обещаю, что не стану оспаривать твоих слов, только бы это ее спасло. Вдруг она простит, забудет, и все пойдет по-прежнему. Но на будущее советую — вспоминая твою жизнь, я не очень-то уверен в твоей порядочности — советую почаще признавать свои ошибки и просить у нее прощения. Она такая чистая, непорочная. Ей незнакома та глубокая пропасть, в которую падаем мы.

— Замолчи! — в отчаянии закричал Горислав. — К черту твои советы, подлый предатель! Ты отнял у меня ее доверие, ты отравил самое чистое сердце, которое когда-либо рождала земля! Какая низость!.. Гнусная зависть овладела твоей душой, и ты вырвал у меня из рук счастье, которое могло наполнить смыслом всю мою жизнь! Если у тебя в голове таились каиновы мысли, лучше бы ты взял пистолет и застрелил меня! Мне было бы хорошо, а она досталась бы тебе!

Владо выслушал спокойно эти чудовищные слова. Еще неделю назад он не смог бы снести таких попреков. Но сейчас лишь прислонился к дереву и позволил наносить себе удар за ударом. Все верно, он заслужил их.

— Прости меня, Горислав, — сказал он наконец так мирно, что брат ошеломленно замолчал.

— Тебя... я?.. Да никогда! — голос Горислава сорвался, злые слезы клокотали у него в горле.

— Я не прошу, чтобы ты простил меня прямо сейчас, — продолжал Владо еще более спокойно. — Прости меня тогда, когда Еленка простит тебя, и ты снова будешь счастлив.

Но когда брат вместо ответа, вместо каких-то слов сожаления о своем падении в отчаянии бросился на землю, закрыл голову руками и стал проклинать все на свете, Владо растерялся.

— Горислав, вставай, пойдем к Еленке. Я приму всю вину на себя. Она сама говорила, что ты невиновен, а я оклеветал тебя из зависти. — Молодой человек потряс брата за плечо.

Вместо ответа Горислав, резко выбрасывая руку назад и разворачиваясь всем телом, с силой ударил Владо по лицу — так, что тот зашатался.

— Я не нуждаюсь в великодушии предателя! — выкрикнул Горислав.

На какое-то время в лесу повисла гнетущая тишина. Потом Владо отнял руки от лица, залитого кровью, и, не оглядываясь, молча отошел от брата. Он опустил руку в нагрудный карман, и в следующее мгновение у его виска блеснуло дуло револьвера. Однако он не успел воспользоваться оружием — Горислав обхватил Владо своими сильными руками.

— Ну, нет... Ты хочешь уйти из жизни, а я должен остаться с погубленным тобой счастьем? Сначала убей меня, а потом можешь кончать с собой.

Завязалась отчаянная борьба. Вскоре прозвучали два выстрела: одна пуля задела волосы Владо, другая обожгла Горислава. Однако в барабане оставались еще четыре пули. Кто же станет их жертвой? Когда Гориславу удалось наконец заломить за спину руку брата — теперь дуло было прямо у сердца Горислава, — он вдруг почувствовал боль в руке. И в следующее мгновение, отброшенный какой-то силой, очутился на земле, в траве. Раздался еще один выстрел, повалил дым. Револьвер лежал рядом с ним, и по лесу разнесся голос, в котором бушевал настоящий ураган:

— Ах, подлецы!.. Грешить умеете, а отвечать за ваши грехи должен кто-то другой?! Уж

не знаю как — хотя и догадываюсь, — но вы сумели надломить этот хрупкий цветок, а теперь хотите довершить дело еще и убийством. Преступники Божьих заповедей!.. Для того ли Он дал вам жизнь, чтобы вы, не совершив ничего путного, ушли из нее, словно звери, кровожадно раздирающие друг друга?

Кто бы мог подумать, что обычно спокойный Лесинский способен на такую гневную речь? Однако его слова, да и само присутствие произвели на братьев должное впечатление. Обесилевшие от борьбы, молодые люди пристыженно прятали свои лица. Один уткнулся в траву, а другой закрыл лицо ладонями.

Лесинский наклонился, поднял с земли револьвер, положил его к себе в карман, а потом подошел к Вlado и, обняв его, заговорил уже примирительным тоном:

— Бывают ситуации, когда людям необходим совет стороннего наблюдателя. Скажите, наконец, что произошло между вами?

О, какая великая сила сокрыта в любви!.. Вlado после всего пережитого вдруг расплакался от этих простых слов и дружеских объятий, да так, как никогда в жизни не плакал. Из его путаного рассказа, прерываемого рыданиями, Лесинскому

удалось понять только то, что он предал брата, оклеветав его перед Еленкой из ревности.

Затем Лесинский оставил Влада, опустился на колени возле лежавшего до сих пор неподвижно Горислава, тронул его за плечо и негромко сказал:

— Идемте, Горислав, отнесем Еленке лекарства, она вам поверит.

И тут раздались всхлипывания Горислава:

— Да ведь он не оклеветал меня, он правду сказал... я виноват!

В лесу снова стало тихо. Неподалеку от скалы, из которой бил целебный родник, застыли те самые олени из давешней Еленкиной песни. Два из них были мертвы — их сразила пуля жестокого охотника, — а третий... О, с третьим оленем произошло удивительное событие: Божьей милостью он был воскрешен из мертвых для новой жизни.

Воистину, нет на земле ни одного праведника, все согрешили и лишены славы Божьей!⁸ Но праведными становятся не по заслугам, а через веру, и это — Божий дар⁹.

Солнце уже зашло за горизонт и на небе показались первые бледные звезды, когда они возвратились в дом лесничего. К пану Радоничу пошел один Лесинский.

У Еленки сидели оба ее брата. Мишко при-
могнулся на краешек кровати, а Палко устроил-
ся на стульчике, положив свою кудрявую голов-
ку подле щеки любимой сестрички. Лесинский
видел девушку впервые после того утра, когда
он поднял ее, словно надломленный цветок, со
ступеней пасеки. Он уселся на свободный стул
и первым делом склонил голову в тихой молит-
ве. Потом посмотрел на Еленку, и взгляд его ис-
полнился глубоким состраданием. Мальчики не
решались заговорить с паном лесничим, хотя он
всегда держался с ними очень приветливо. Но
их радовало, что и он пришел навестить сестру.
В этот момент она шевельнулась.

— Воды, пожалуйста, — не открывая глаз,
еле слышно произнесла она.

— Добрый вечер, барышня Еленка, — поз-
доровался он.

Девушка открыла глаза — ее взгляд по-преж-
нему был затуманен болезнью. Потом она уви-
дела его — и тихий свет озарил бледное лицо,
уголки губ дрогнули в улыбке, щеки слегка по-
розовели.

— Спасибо вам, пан Лесинский!

— Простите, что позволил себе навестить
вас. Давно уже мы не виделись.

Он дотронулся до протянутой к нему тонкой руки с неведомой ему до сих пор нежностью.

— О, как я рада, что вы пришли, — искренне призналась она.

Лесинский смотрел на ее маленькую, почти прозрачную руку, которую держал в своей руке, и ему очень хотелось прильнуть к ней губами, но он не сделал этого.

— Еленка, я только что из леса, — начал он после недолгого размышления, — там я услышал еще об одном олене!

— Еще об одном? Его настиг выстрел? Бедный! — прошептала Еленка, и прежняя грусть легла на ее лицо.

— Да, так же, как меня когда-то. Он был очень молод, и не смог противиться искушению, у него не было на это сил. Но все же Господь Иисус имеет о нем добрые намерения. Он хочет воскресить его, как воскресил меня. Хочет омыть Своей святой кровью и вместо утерянной невинности дать ему Свою чистоту. Он сказал: «Если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю; если будут красны, как пурпур, — как волну убелю»¹⁰. Впрочем, Господь уже сделал это. Но мой олень обидел дорогого человека и боится, что тот не простит его, и поэтому сам

он не может поверить во всепрощающую любовь Бога.

Еще минуту смотрела на него девушка, потом ее глаза медленно закрылись. Лесинский же, чтобы довести начатое до конца, продолжил:

— Еленка, того оленя зовут Гориславом. Может ли он прийти завтра и попросить прощения?

— Ах, так это все-таки правда? — всхлинула Еленка.

— Правда, Еленка. Но Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками¹¹.

— А кто сказал ему, что я обо всем знаю?

— Владо. Он попросил прощения, и они помирились. Но все же и Владо не верит, что Еленка — которую он так оскорбил — может простить его.

— Пан Лесинский, раз уж вы обо всем знаете, пришлите ко мне Горислава прямо сегодня, а Владо скажите, что я его прощаю. Ведь я хочу, чтобы Господь Иисус и меня простил, чтобы Он был со мной всегда и чтобы Он омыл всех нас Своей кровью.

В комнату вошла Еленкина мать. Она обрадовалась приятному гостю, но еще больше ее обрадовало то, что дочь так хорошо выглядит.

— Матушка, — попросила Еленка, отвечая на поцелуй матери, — когда сюда придет Горислав, оставь нас, пожалуйста, одних — нам надо кое о чем поговорить.

— Хорошо, детка, — сказала мать, подумав при этом: «Что-то между ними все же произошло, не зря мне так показалось».

Лесинский не захотел оставаться дольше. Он попрощался, и хозяйка пошла проводить его до дверей.

— Пан Лесинский, как вы думаете, все это когда-нибудь закончится? — заплакала она, выйдя на улицу.

— Не плачьте, госпожа, я твердо верю, что эта болезнь не смертельна. Господь Иисус слышит наши просьбы. Он исцелит ваше дитя. Спокойной ночи!

— Не пришел еще Горислав? — как раз в четвертый раз спрашивала Еленка, когда послышался стук в дверь, и вошел юноша, которого она ждала. Пани Радонич и мальчики вышли.

Трудно сказать, у кого лицо было бледнее — у больной девушки или у Горислава, который стоял на коленях у ее постели. Она положила свою маленькую руку на лоб юноши, провела по его светлым волосам.

— Я не сердилась, Горислав, просто жалела о том, что случилось.

— Поверь, Еленка, я не обманывал тебя. Ты для меня всегда была дороже всех.

— Но тогда ты обманул другую, которая, может быть, верила тебе так же, как и я. Попроси прощения у Господа Иисуса. Мы оба попросим прощения! Скажи, — приподняла она голову от подушки секунду спустя, — а на Владо ты все еще сердишься?

— О, я такое ничтожество, как я могу на кого-то сердиться!

Оба замолчали. Она чувствовала слабость, ее тело попеременно пронизывали то жар, то озноб. Он же осознавал, что, даже получив прощение, даже держа ее руку в своих руках и прижимая к губам эту теплую ладонь, уже не может быть счастлив, как прежде. Оно улетело, его счастье, растворилось в воздухе, словно сон солнечным летним утром. Подумать только: не окажись там, в лесу, пана Лесинского, один из них стал бы братоубийцей!

— Ах, Горислав, у меня совсем нет сил, — слабым голосом сказала девушка. Но когда юноша послушно встал, отпустив ее руку, Еленка вновь потянулась к нему. Он наклонился, она

обняла его и чисто, совсем по-детски, поцеловала в губы, прошептала: — С Богом.

Горислав задержал на ней взгляд, который говорил больше любых слов. О, как мучительно было осознавать свое падение! Как ныло и замирало сердце! В конце концов он попрощался и ушел. Она расплакалась — впервые за много недель расплакалась над потерянным счастьем.

Утром, после мучительной ночи, пришел врач и обнаружил у нее оспу. Позже на постоялом дворе он шепнул по секрету некоторым господам, что девушка сможет выкарабкаться из болезни только чудом.

И началась тяжелая борьба, которая шла на двух фронтах сразу. То была битва между жизнью и смертью и битва между светом и тьмой. Первую вела в старом домике юность, все силы которой противостояли холодным объятьям смерти. Во второй сражались в доме лесничего две впервые осознавшие свою греховность души, которые Бог сотворил для Себя — чтобы жили в святости и праведности во все дни своего земного странствия, — но которые, едва ступив на этот путь, увязли в болоте греха и похоронили в нем то, что получили с небес, — чистоту и невинность. Отправившись без Бога и без Христа в плавание по

штормящему морю жизни, они потерпели кораблекрушение. И все же бурные волны подгоняли их к пристани, где ждал Иисус и звал: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас»¹². Но пойдут ли эти души к Нему? Опутанные цепями разнообразных предрассудков, незнания, неверия, гордыни и духа противоречия, человеческие сердца сами должны принять окончательное решение. Когда Бог пробуждает, человек должен проснуться. Бог даровал им через Своего Сына прощение, примирение, чистоту. Ничего не потребовал взамен, кроме сердца. Но и его Он тоже хотел вернуть им — обновленное, способное жить и любить. Отдадут ли они его? Примут ли это дарованное им взамен сокровище, а вместе с ним и вечную жизнь?

Прошло более шести недель. Юная весна покинула землю. Соловьи в рощах выводили последние трели любовной песни, немилосердная коса срезала цветы на лугах — стояло жаркое лето. На поляне неподалеку от дома лесника сидела небольшая компания — она собралась вокруг своей любимицы, спасенной Божьей милостью из тисков смерти. Позади возвышались высокие требовские отроги, со всех сторон их

окружал душистый сосновый лес, неподалеку шумел горный поток. Он бежал вдоль поляны и мог бы рассказать людям много любопытного.

Долго, очень долго казалось Радоницам, что все их усилия напрасны, что их любимая пташка улетит далеко-далеко от родного края. Но она не улетела. Да, в тот день она сидела здесь, с ними. В первый раз они увели ее на такое почтительное расстояние от дома. Она была еще бледна, но других губительных следов болезни больше не было видно.

Отец с матерью окружили ее со всех сторон заботой. Мальчики приносили любимой Еленке все, чего бы она ни пожелала. Не говоря уже о кузенах, которые лишь вчера вернулись после трехнедельного отсутствия и привезли сердечный привет от своих родителей. Пошла в лес и Кудлова. Не было только одного человека. Его отсутствие и причина этого отсутствия немного омрачали им радость встречи. Владо Радонич принес Лесинскому из Дубны весть о тяжелой болезни его отца, поэтому молодой лесничий вынужден был уехать.

Еленка, увидев дружеское расположение братьев друг к другу, не могла скрыть радости. Но все же все трое вместе с Кудловой — Еленкиным

доверенным лицом — чувствовали, что им нельзя будет жить друг подле друга, не уладив и не прояснив всего до конца. Старушка очень жалела обоих юношей, но еще больше она жалела свою голубку.

О, когда же наконец наступит мир, в котором люди станут как Божьи ангелы, когда брат не будет вставать брату поперек дороги, когда земные розы перестанут ранить друг друга шипами, а смогут лишь радовать своими цветками!..

Первой отправилась домой пани Радонич. Вслед за ней поднялся и муж, которому надо было выполнить какое-то поручение молодого лесничего. Кудлова тоже ушла, а с ней и мальчики — посмотреть на молодого сокола, что жил у лесничего. Когда Еленка, Владо и Горислав остались одни (как и было задумано), они умолкли, будто кто-то прервал нить разговора.

«Ах, — спрашивала себя Еленка, — как же мы будем жить, если навсегда потеряны доверие и согласие, которые связывали нас раньше?» Однако она не сердилась ни на одного из кузенов. Владо точно подменили. Девушка посмотрела на него, и ей стало так жаль Владо — она ни за что на свете не смогла бы подать руки Гориславу на глазах у брата. Да она и вообще не смогла бы

этого сделать, хотя и простила Горислава. Еленка хотела забыть обо всем, внушала себе, что не станет даже вспоминать о прошлом, но все же она не могла смириться с мыслью, что он и дальше будет оставаться ее женихом. Она чувствовала, что между ними словно выросла какая-то стена. В этот момент Владо встал.

— Прости, Еленка, — голос юноши дрогнул. — Пойду спрошу, не телеграфировал ли Лесинский.

Девушка догадалась, что он намеренно хочет оставить их с Гориславом одних. Она вдруг испугалась. В глазах, которых она не спускала с серьезного лица Владо, читалась немая мольба: «Не уходи!»

Он ушел бы, но тут Горислав поднял наконец голову и тихо попросил:

— Останься, Владо, нам нельзя дальше так жить.

Девушка встала, прислонилась к дереву — так же, как недавно там, в чаще. Она переводила взгляд с одного кузена на другого.

За время болезни в ее душе как-то незаметно родилась вера, что Господь Иисус пребывал с ней всегда — где бы она ни находилась и что бы ни делала.

— Горислав прав, — Владо подошел к ним поближе. — Давайте наконец поставим все на свои места, Еленка. Бог открыл Гориславу, что грехи нашей молодости омыты Христовой кровью. Он получил также прощение обманутой им девушки. Теперь Горислав свободен от обязательств — месяц назад она вышла замуж — и ничто не препятствует ему вновь заключить союз взаимного доверия и любви, основанный на вечных началах.

— Не слушай его, Еленка, — прервал брата Горислав. — Я не достоин и никогда не был достоин тебя и твоей любви. Он любит тебя больше. Именно теперь, как ты знаешь, Владо вернулся из Дубны. Марта прекратила с ним всякое общение, узнав, что его взгляды на жизнь изменились и что он подумывает о том, чтобы жить, словно простой крестьянин. Она отвернулась от него так же, как отвернулся от Лесинского его отец. Видишь ли, Еленка, я еще не готов к тому, чтобы построить семью. Он же может очень скоро увезти тебя с собой как свою жену. Я возвращаю тебе твое обещание, которое делало меня таким счастливым, и прошу: выходи за него!

Девушка прижала к груди сцепленные руки, словно пытаясь унять поднимающуюся в сердце

бурю, а потом сказала то, что решило участь всех троих:

— Спасибо тебе, Горислав, что возвращаешь мне обещание. Я принимаю его как дар и освобождение для всех нас, как исполнение горячих молитв к Господу Иисусу. Зная, как вы оба любите меня, я никогда не смогла бы войти в вашу семью. Позвольте мне быть для вас обоих лишь сестрой. Хотя мы и живем врозь, все же мы навсегда связаны теперь той новой жизнью, которую дал нам Господь Иисус, — жизнью с любовью без ревности и зависти, жизнью для Бога.

— Твое желание — закон для нас, — помедлив, проговорил изумленный Владо и первым пожал протянутую ему маленькую руку. Горислав последовал его примеру. Они постояли еще некоторое время, окутанные лучами заходящего над лугами солнца. Все трое испытывали одно чувство — то была скорбь над разбитыми мечтами о земном счастье. Потом в их душах медленно разлился незнакомый им прежде свет — свет воскресения к лучшей, чистой жизни.

Да, долго продолжалась борьба тьмы со светом. Но все же Христос победил и даровал им вместо проходящего земного счастья то, что пребывает вечно.

— Позволь, Еленка, проститься с тобой как со своей невестой, — воскликнул Горислав, обнимая девушку. Она приникла в последний раз к его груди, и на сердце у нее впервые было так свободно и блаженно. Еленка сама подставила губы для поцелуя. Когда он отпустил ее, она подошла к Владо, и он тоже в первый и последний раз поцеловал девушку, которая являлась ему в снах и была предметом его желаний.

— Послушай, Еленка, — сказал он по дороге домой, — у меня к тебе есть одна просьба, и я надеюсь, что Гориславу она тоже по душе. Ты ведь еще очень молода, тебе едва исполнилось восемнадцать. Когда придет время и твое сердце почувствует любовь к мужчине, достойному тебя и любящему тебя, пообещай не отвергать его из-за нас. Нам было бы очень больно сознавать, что мы навсегда сделали тебя несчастной.

Горислав вздрогнул при братниных словах, но потом сжал маленькую руку девушки и добавил:

— Да, Еленка, пообещай мне. Ты создана для того, чтобы наполнять счастьем сердца других. Но если я узнаю, что по моей вине на земле есть одинокий полевой цветок, никогда не смогу простить себе этого.

— Прощу, не говорите так, — покачала она головой.

— Хорошо, Еленка. Но помни: когда придет время и ты исполнишь наше желание — кого бы ты ни выбрала, он будет нам братом!

Бежит ли вода в реках, плывут ли облака по небесной равнине — ничто не проходит так быстро, как человеческая жизнь. Плотины могут задержать воду, ветер может погнать облака в обратную сторону — но в жизни нет ни плотин, ни ветра, которые задержали бы или обратили вспять ее течение. И человек не может смириться с этим как в счастье, так и в скорби. Да, верно поется в нашей народной песне:

*Знать бы мне, куда так быстро
Ночь умчалась на рассвете,
Я б вернул ее обратно,
Вслед за ней летя, как ветер.*

Так же быстро пролетало время и в требовских лесах. Много пережили люди, но не могли сказать, куда все это подевалось. Они и не заметили, что прошел целый год с тех пор, как приехал к ним пан Лесинский. Помощник лесни-

чего качал головой и думал: «Вот были времена! Из-за лени мы десятилетиями существовали без пользы и без всяких перемен. А он, взявшись за дело с муравьиным усердием, показал нам, как нужно жить, чтобы оставить после себя добрый след». Требовчане действительно привели в порядок лес, выровняли дороги, чтобы дожди не размывали их; по сторонам выкопали канавы и поставили удобные мостики. Очистили пустыри и распахали их под луга или поля. И все это делалось под надзором Лесинского.

Кое-кому из городского совета педантичный лесник был не по душе, но сделать они ничего не могли. Его полезные и практичные затеи неизменно собирали большинство голосов. «Леса должны приносить больше пользы, чем это было до сих пор. Но ни в коем случае нельзя, добывая одно сокровище, губить другое, — говорил он на собрании совета. — Пока это дело поручено мне, я за него отвечаю, но за легкомыслие других отвечать не собираюсь». Инспектор, приехавший на осмотр леса, пришел в восторг от работы молодого лесничего. Похлопав его дружески по плечу, он сказал:

— Вы далеко пойдете. Такое впечатление, что мы послали вас на возрождение лесов.

— Вы ошибаетесь, пан инспектор, — с улыбкой ответил Лесинский. — Стоит лишь убрать с пожарища обгорелые обломки, и возрождение начнется само собой...

По весне помощник лесничего и прочие работники недоумевали, почему Лесинский решил срезать на берегу озера тростник и подрезать иву и вербу, которые до сих пор росли дикарками. Ну положим, прутья-то купят плетельщики корзин из Э., хотя перевозка обошлась бы дороже, чем сам товар. А Лесинский тем временем отдал прутья детям, чтобы очистили их, заплатил им, и те сложили все в пустом дровянике возле дома лесничего, где сушилось сено. Когда же пришла осень, а за ней зима, Радоничу все стало ясно.

Кружок молодежи, которая летом собиралась у Лесинского по воскресеньям, становился все шире, и теперь эту компанию ежедневно можно было встретить в пристройке для прислуги возле дома молодого лесничего. Пан Ярослав учил их плести тростниковые и ивовые корзинки, рогожки на стену и циновки на порог. Таким образом Лесинский организовал своего рода ремесленный цех для бедных крестьян, которым зимой нечем было жить.

В учителе Белике, который приехал в Требову на место Враны, Лесинский нашел единомыш-

ленника и ревностного помощника. По средам и субботам он бывал здесь, среди молодежи, которая благодаря опеке Белика возрождалась духом и обретала прежнее достоинство. Обстановка на этих собраниях царила самая приветливая. Учитель читал отрывки из добрых, поучительных или занимательных книг либо пел вместе с ребятами народные и духовные песни. Потом Белик с Лесинским учили самых способных из них изготовлять из прутьев красивые столики под цветочные вазы, корзиночки на стену, вешалки для полотенец и ключей и другие вещицы, которые можно было легко продать.

Но было еще одно место, в котором так же успешно трудились, — большая кухня в доме лесничего. В то время как в пристройке для прислуги работали парни, в кухню к тетушке Кудловой и к Еленке Радонич ходили девушки. Здесь они учились вышивать красивые словацкие народные узоры. Старушка Кудлова, несмотря на преклонный возраст и слабые глаза, была искусной вышивальщицей. Девушки вышивали господские рубашки, дамские платья, покрывала, скатерти...

Поначалу производство было весьма скромным. Но Лесинский рассчитывал на то, что со

временем цех расширится и будет приносить здешним беднякам полноценный заработок.

По вечерам все собирались в кухне. Лесинский брал в руки Библию, читал вслух и объяснял главу за главой, потом молился. Спев вечерний гимн, молодежь покидала гостеприимный дом, в котором с ними так щедро делились духовной и житейской мудростью.

Лесинский провожал Еленку домой, хотя она редко бывала здесь одна. Обычно вместе с ней приходили матушка и оба братишки. Пани Радонич удивлялась, сколько же они напридумали разных вещей, которые можно распространить среди местных крестьян. Больше всего Еленка мечтала о том, чтобы здешние женщины научились ткать тонкое полотно, чему сама она выучилась в Шариши, или же готовить несложные вкусные блюда. Но по всем этим начинаниям было видно, что молодые люди хотят жить для Бога. Потому что жить для Бога — значит жить так, как жил Христос, помогая своим ближним.

Было еще не поздно, когда Лесинский вошел в домик, где в это время читали письма от Горислава и Владо. Гориславовы письма были исполнены полета и идеализма.

«Только теперь я понял, как священно призвание, к которому я готовлюсь, — писал он. — Какая это славная миссия — руководить безвольной молодежью, которая стоит на краю пропасти в нынешнем полном опасностей мире, вести ее ко Христу как к единому Источнику чистоты и истины... Что губит на корню все наши инициативы — так это отвергшие Бога профессора. На самом деле никто, кроме верующих вождей, которые должны выйти из нынешнего поколения, не поможет нашему народу восстать из праха. Есть одна только мысль, одна идея, способная возродить все славянские народы: „Приблизьтесь к Богу, и приблизится к вам...“¹³ Показать молодежи путь к новой, чистой жизни, приготовить ее к ней — вот главная цель моей жизни. Причем самая важная задача — это указать на Источник нашей силы и победы, на нашего Господа».

Его письма к Еленке звучали очень поэтично. Но в них не было ни намека на случившееся, ни тени печали об ушедшем счастье. Ни разу не нарушалась грань между теперешним братом и прежним женихом.

Письма Владо были куда более трезвыми и деловыми: он делился мыслями о работе в окрестностях Требовой и высказывал одобрение

новым начинаниям; порой проявлял понимание, подчас давал совет и наставление. Иногда в его письмах сквозило счастье — это было счастье человека, освещенного светом Божьей истины. Он знал, что ничем не заслужил этот свет. Поэтому принимал его с благодарностью, как дар, и просто позволял ему наполнять свою душу. Это было тем более замечательно, что жизнь Владо в Дубне протекала очень нелегко. После разрыва с Мартой Зельницкой и ее свадьбы с нотариусом О. он больше не мог рассчитывать на быструю и удачную карьеру и вынужден был начинать собственную практику в большом стеснении.

Тем не менее со временем в его контору стало наведываться все больше народу. Вскоре уже люди стали советовать друг другу: «Непременно пойдите к пану Радоничу, он решит все ваши вопросы грамотно и в срок, не обманет и не введет в расходы. Сделает все возможное, чтобы не довести дело до суда. Ему это удавалось уже неоднократно. Сколько раз он приглашал к себе обе стороны и говорил с ними так убедительно, что те расходились с миром, весьма довольные адвокатом и друг другом».

В день открытия своей собственной адвокатской конторы, стоя перед окном в ожидании

первого посетителя, Владо попросил: «Господи Иисусе, научи меня быть таким же верным в малом, как Ярослав Лесинский. Мне не нужны блестящие результаты. Я хочу лишь приносить пользу людям. Хочу служить Тебе Одному, хочу прославить Тебя Одного». Нелегко было ему в шумной Дубне, где отступником объявляли всякого, кто не воскурял фимиам перед алтарем тщеславия и не подкладывал поленьев в огонь славянского возрождения. Но все же он не оставлял Дубны — там его удерживал один замысел.

Молодой Радониц очень хотел отблагодарить Лесинского за себя и за Горислава. Перед отъездом из Требовой Владо вытянул из лесничего признание о том, что с ним произошло во время болезни отца. Он узнал, что Ярослава Лесинского допустили к больному, что отец подал сыну руку, но даже не взглянул на него. Позднее, когда состояние старого Лесинского ухудшилось, Ярослав отважился обратиться к нему с просьбой вспомнить о своей душе и попросить прощения у Господа Иисуса. Тут родители так разгневались, что мать даже приказала сыну покинуть их дом, — он, мол, совсем не уважает отца, раз наносит ему такое оскорбление.

«Твой отец всегда был порядочным и мужественным человеком, и ему не нужны поучения от такого вертопраха, как ты», — заявила она. Лесинский уходил из родительского дома вместе с сестрой и ее мужем. Они тоже были возмущены поведением Ярослава и всячески оскорбляли его.

Ему не осталось ничего другого, кроме как молиться за свою несчастную, блуждающую во тьме семью. «Если Бог даст, и они сами когда-нибудь позовут меня к себе, то я приду. В противном же случае нога моя больше не переступит порог этого дома», — с горечью сказал он Владо.

Тогда-то у молодого юриста и появилось желание помочь Лесинскому. Желание переросло в замысел, и Владо, обосновавшись в Дубне, попытался попасть в дом Владимира Лесинского. Довольно скоро ему представился удобный случай. С этой минуты он не упустил ни одной возможности снискать дружбу гордого господина. И это ему удалось, когда он, обратив на себя внимание и других влиятельных особ, выиграл Лесинскому один давно тянувшийся процесс. С того времени двери дома Лесинских всегда были открыты для адвоката.

Пан Лесинский после недавно перенесенной болезни никуда не выходил, и когда он страдал

от скуки, Владо играл с ним в шахматы или читал ему газеты. При этом он умел незаметно перевести разговор на вечное и божественное. И вот этот солидный господин, который своего собственного сына выгнал из дома только за то, что тот говорил с ним о Боге и о пути спасения, вынужден был выслушивать те же самые Божественные истины из уст молодого адвоката. Часто он спорил с Владо, называл его чудаком, эксцентриком, спиритуалистом — кем только не называл. Но если Лесинский не видел Владо Радонича всего один день, он начинал скучать без своего приятеля и немедленно посылал за ним. Пани Лесинской, как и следовало ожидать, этот молодой и незаурядный знакомый мужа пришелся по душе, тем более что своими речами он напоминал ей отвергнутого сына. Как-то она с удивлением подумала: «Интересно — этот адвокат говорит то же, что и Ярослав, но почему-то в его устах эти идеи звучат совсем по-другому...» Однажды, когда Лесинский вздремнул после шахматной партии, Владо разговорился с хозяйкой дома. Беседа велась непринужденная и самая сердечная. Речь зашла о прекрасных требовских горах, о бескрайних требовских лесах, и Владо вскользь упомянул, что в тех местах живет его дядя и что он недавно

гостил там. Пани Лесинская призналась, что у нее в Требовой сын. При этом юрист — который ведь и после обращения остался юристом — так ловко повел беседу, что его собеседница, сама не зная как, выложила все, о чем он хотел услышать. Оказывается, она сильно тосковала о сыне... Тогда Владо — весьма непринужденно — рассказал ей о своем знакомстве с молодым Лесинским и о том, что у него даже есть письмо от Ярослава. Прочитав его, он поведал пани Лесинской, как ее сын живет в Требовой, как преуспевает в работе... Зачитал и отрывок из дядиного письма, в котором тот отзывался о молодом лесничем с уважением и похвалой.

— Вот видите, милостивая пани, — подытожил Владо, — ваш сын не сумасшедший — ведь не бывает, чтобы безумец был так полезен людям. С ним произошло лишь то, о чем предупреждал Иисус: «Враги человеку — домашние его»¹⁴ и «Будете ненавидимы всеми за имя Мое»¹⁵.

С того дня пани Лесинская всегда с нетерпением ждала Владо Радонича. И он не без радости наблюдал, как она начинает сожалеть о своем грехе против сына. У него уже был готов план, который мог бы примирить их. Он собирался пригласить Ярослава в гости, надеясь устроить матери

свидание с сыном. Но тут возникли непредвиденные обстоятельства, ускорившие это свидание.

Наступила весна. Снова соловьи до поздней ночи пели любовную песнь шиповнику, пока тот не расцвел, осчастливив мир своим нежным благоуханием. Горы и долины оделись в свадебный наряд. Капельки росы вновь заискрились бриллиантами в чашечках цветов, а ветерок ласкал ветви деревьев. Ах, как прекрасна была природа — словно рай, жилище вечной любви и покоя, которое будет даровано нам в тот прекрасный день, когда зазвучат золотые арфы и хор любви в честь Небесного Жениха...

А каким великолепием было окружено требовское озеро! Недалеко от него, по верхней тропинке, идущей вдоль деревянной ограды, шла Еленка Радонич. Справа и слева от дорожки цвел шиповник.

Казалось, этот полный драматических событий год пролетел над головой девушки, не оставив следов. Она не выглядела старше — просто стала еще спокойнее и безмятежнее. На лице ее появилось какое-то особенное мечтательное выражение, в нем появилось нечто таинственное и сладостное, чего не было прежде. Поэт назвал бы это тайной первой любви, если, конечно, эта

тайна могла отразиться на лице девушки, которая всего год назад рассталась со своим женихом.

Еленка остановилась у озера. Прислонившись к деревянной калитке, она стала всматриваться в его лазурную глубину, а потом перевела взгляд вдаль — туда, где стоял одинокий новый дом, окруженный забором. Там сейчас отдыхает ее верная наставница — единственное сердце, которое не покинуло Христова ученика, когда его оставили все.

Еленка выбралась на прогулку по лесу, желая хоть минутку побыть наедине с собой. Она даже не заметила, как очутилась у озера. Одни мысли в ее голове сменяли другие, словно облака, без усталости плывущие по небу. Она вспоминала, как год назад приходила сюда собирать цветы для Горислава. В то время ее мечтой было земное счастье, и здесь она впервые подумала о воскресении и пришла к мысли о том, что ей нужно больше света. И вот первая мечта не сбылась. Зато у нее был теперь свет, был штурвал, была скала, о которую она могла опереться. Да, взамен того, что погибло, она получила то, что пребывает вечно. И все же теперь она не могла радоваться так, как когда-то... Вчера неожиданно заболела тетушка Кудлова, и вечером они вместе с матушкой ухаживали за ней.

Мать хлопотала на кухне — готовила ужин для пана Лесинского, а Еленка сидела возле спящей старушки. Она так любила свою старенькую подругу, так льнула к ней — словно птенчик к доброй матушке. А вдруг тетушка Кудлова умрет, вдруг Господь Иисус заберет няню пана Лесинского к Себе — где тогда найти сердце, которое так понимало бы ее?! Когда в душе девушки ожили воспоминания о пережитом, у нее даже запылали щеки. Вчера, сидя возле постели больной, она оглянулась и обнаружила, что уже не одна в комнате. У окна, прильнув лбом к стеклу, стоял грустный пан Лесинский. Ей стало невыразимо жалко его. Как будто помимо своей воли она поднялась и тихонько, чтобы не разбудить старушку, приблизилась к нему и положила маленькую руку на его плечо.

Голосом, полным сострадания, она прошептала:
— Что с вами, пан Лесинский?

Он взял ее руку и задержал в своей, но не поднял глаз.

— Думаю о том, какая настанет жизнь, когда Господь Иисус заберет к Себе Свою верную, молчаливую и покорную служительницу.

— Какая же настанет жизнь?

Лесинский оторвал свой взгляд от гор, оглядел горницу, с сыновней благодарностью посмот-

рел на старушку и затем обратил свои черные, печальные глаза на девушку.

— Я думаю, как жить, когда она оставит меня одного. У меня ведь больше никого нет. С ней я потеряю все, в том числе и вас.

Слова эти, произнесенные словно про себя, подействовали на девушку странным образом — будто легкая молния сверкнула рядом с ней. Он был прав! Когда Кудлова умрет, она заберет с собой в могилу и эту прекрасную свободную жизнь, и их совместный труд. Ведь как только вынесут отсюда старушку — для многих закроются двери дома, ставшего для них родным, а перед ней они захлопнутся навсегда. Он молод, она тоже, а мир зол. Он выпустил ее руку, подошел к постели и, встав на колени, спрятал лицо в перинах. Еленка вышла на улицу словно в забытьи.

«Почему мне так больно? — думала девушка. — Эта боль во сто крат тяжелее, чем тогда, когда я потеряла Горислава. Не потому ли, что он останется один, всеми брошенный? Ах, как же мы были счастливы, работая вместе».

Его слова «я потеряю все, в том числе и вас» еще долго звучали у нее в ушах. Сказанное Лесинским не выходило у Еленки из головы и ночью, когда они вместе с матерью бдели над ста-

рушкой, и позже, когда ее отослали отдохнуть. Она думала об этом и теперь.

«Что же меня так влечет к нему, как ни к кому еще не влекло? Только благодарность? Я его великая должница: он открыл мне глаза, привел меня к Господу Иисусу, спас обоих моих братьев... Нет, это не то, не то... А что же?»

Она пристально вглядывалась в озеро — и вновь будто молния сверкнула рядом с ней, и она закрыла глаза рукой. «Да ведь я люблю его, люблю с того самого мгновения, когда увидела в первый раз вот здесь, на этом месте, люблю с тех самых пор, как взглянула ему в глаза».

Она прислонилась головой к ограде и заплакала — от ошеломившего ее открытия, от захлестнувшего душу чувства только что осознанной любви. Ему показалось, что он потеряет все... Ах, он не потеряет, а она — да! Ведь он не сможет жить один! Мама часто говорит, что ему надо бы жениться. Вот, он женится, приведет в дом женщину, такую же добрую и великодушную, как он сам, и она будет ему помогать лучше, чем какая-то Еленка. И что будет тогда с ней? Она останется одна, как говорил Горислав: словно одинокий цветок в поле!

Еленка не заметила, что камень, на котором укреплена ограда, скользит у нее под ногами, а

калитка, к которой она прислонилась, наклонилась. Девушка даже не подозревала, что вот-вот ее опора с грохотом упадет на скалистый берег озера, а вслед за ней полетит и она сама.

Но этого не произошло. Кто-то успел схватить ее в охапку до того, как камень обрушился вниз.

— Еленка, Еленка, сокровище мое, радость моя! Что ты там делала? — услышала она.

Мгновенный страх освободил молодого человека от пут, которыми он сам себя связал. То, что он целый год самоотверженно подавлял в своем сердце, неожиданно вырвалось наружу. Звук его голоса, ласковые слова, взгляд, который вдруг открыл ей всю глубину таившейся в его душе чистой любви, затронули сокровенные струны в девичьем сердце.

Она прижалась головой к его груди, в которой билось сердце, бушующее такой же бурей чувств, как и у нее.

— Я плакала, что тебя потеряю, — сквозь слезы сказала она, — если тетушка умрет, ты не сможешь оставаться один и приведешь к себе ту, которую полюбишь.

— Это правда, Еленка? — наклонился он к ней.

— Да, — прошептала девушка.

— Так напрасно! — выпрямился он. — Мой Господь знает, каких усилий мне стоило целый год не выдать даже взглядом того, что творилось у меня в душе, — с того самого мгновения, когда я провожал тебя этой дорогой. Боясь изменить дружбе двух братьев, я решил идти по жизни в одиночку и до вчерашнего дня верил, что Господь Иисус поможет мне. После Бога я больше всех люблю тебя, одну тебя. Прошу, выходи за меня, сотвори рай из моей одинокой жизни. Пускай оба твоих брата простят мне, если я грешу против их сердец. Но слишком долго я топтал и давил свое. Больше не могу!

— И не нужно, — произнесла она вдруг, так же решительно, как в прошлом году, когда обещала ему во что бы то ни стало читать Слово Божье. — Они дали мне свободу, они попросили меня, чтобы я... — Она запнулась и уткнулась лицом в его плечо.

— Знаю, о чем они просили тебя, любимая, — сказал Лесинский и нежно привлек ее к себе. — Пришло время, чтобы твое сердце ответило. Отвечает ли оно с любовью «да» на вопрос моего сердца? Еленка, да?

— Да, Ярослав!

Зашумели горы, зашелестели леса, запели соловьи, примолкшие было в кустах. Цветы ши-

повника разослали благоуханное поздравление всему свету. Земля превратилась в рай, в который вступили два новых обитателя, два счастливых избранника любви, омытых кровью Агнца. Здесь, возле тихой озерной глади, они навсегда пообещали друг другу вместе служить Богу и рука об руку шагать по дороге жизни к небесной пристани, где в полноте совершенного блаженства их ждет то, что пребывает вечно.

Встреча матери Лесинского с сыном осуществилась неожиданным образом. Ярослав объявил родителям о своем обручении и пригласил их на свадьбу. А так как его невестой была двоюродная сестра Владо Радоница, старик Лесинский не только не запретил жене присутствовать на свадьбе сына, но и сам послал невесте дорогой подарок, передавая который, молодой адвокат сказал: «Вслед за ним последует и отцовское сердце».

Радость Владо невозможно было описать словами. «Вот теперь, видя тебя счастливой невестой, я совершенно уверен в том, что прощен», — сказал он Еленке.

Горислав послал Еленке пышный букет и еще более пышное стихотворение. Его письмо к Ярославу заканчивалось такими словами:

«Я все боялся, что никогда не смогу стать братом тому, кого выберет себе Еленка. Но теперь все страхи улетучились. Тебе, мой брат, я от всего сердца желаю быть счастливым с ней. Но одному только тебе, наш дорогой и великодушный друг. Ведь ты, вместо того чтобы светиться от счастья, месяцами отрекался от самого себя, чтобы не ранить наших сердец. Я знаю, что ты сделаешь ее счастливой, такой счастливой, какой она никогда бы не смогла быть со мной. Знаю также, что тетушка, так тяжело переживавшая наш разрыв, с радостью примет такое возмещение. А дядя? Ах, и он уже любит тебя, и он уже весь твой! Да и кто из нас тебя не любит? Пусть Бог благословит тебя!

Не хочу ставить себя, Еленку и всех вас в затруднительное положение своим присутствием на свадьбе. Вот выдержу экзамен и приеду. Ничто не помешает тогда нашему счастью, и я буду без угрызений совести проводить время вместе с тобой, Еленкой и Владо, а ты поведешь нас все выше и выше, к источнику единого Света. И нашим общим счастьем будет то, что пребывает вечно: Иисус из Назарета!»

(1901)

Примечания

¹ Ис. 43:5.

² Мф. 28:20.

³ Мф. 10:37.

⁴ Мф. 16:24.

⁵ *...Если это какой-нибудь приспешник венгров...* — На протяжении длительного времени Словакия не имела ни политической, ни культурной самостоятельности, являясь составной частью то Венгерского королевства, то Австро-Венгерской империи.

⁶ *Матица.* — Речь идет о «Словацкой Матице» — культурно-просветительской организации, занимавшейся изданием и распространением словацких книг и просуществовавшей с 1863 по 1875 год.

⁷ Ин. 6:45.

⁸ См.: Рим. 3:23.

⁹ См.: Еф. 2:8.

¹⁰ Ис. 1:18.

¹¹ См.: Рим. 5:8.

¹² Мф. 11:28.

¹³ Иак. 4:8.

¹⁴ Мф. 10:36.

¹⁵ Мф. 10:22.

Уважаемые читатели!
**В издательстве «Свет на Востоке»
работает отдел «Книга — почтой»**

- Заказы можно оформить по телефону, письменно или на сайте www.lio.ru/books/. На сайте же можно увидеть обложки книг и познакомиться с аннотациями.
- На заказы свыше 300 руб. предоставляется 5-процентная скидка.

Получить подробную информацию о работе отдела «Книга — почтой», а также заказать прайс-лист с аннотациями вы можете по адресу издательства.

Будем рады выполнить ваши заказы!

Кристина Рой
ТО, ЧТО ПРЕБЫВАЕТ ВЕЧНО

Перевод — О. Сакун
Редактор — И. Воробьева
Корректор — Ю. Селезнева
Художник — В. Хрущева
Компьютерная верстка — А. Кодак

ЛП № 000315 от 30.11.99. Подписано в печать 28.04.05.
Формат 84x108/32. Бумага типографская. Усл. печ. л. 7,56.
Тираж 5000 экз. Заказ №

МРО «Христианская миссия „Свет на Востоке“»
а/я 201, г. Санкт-Петербург, 190020
Тел./факс: (812) 147-2548; E-mail: post@lio.ru
<http://www.lio.ru/books/>

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография „Наука“»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Кристина Рой

СЧАСТЛИВЫЕ ЛЮДИ

Жизнь молодого кузнеца Дубравского и его жены наполнена ежедневным трудом, заботой о близких и радостью познания Бога. Они по-настоящему счастливы. А вот у обитателей замка, пана Рудогорского и его жены, напротив, есть достаток, безмятежный досуг, но счастливой эту пару назвать нельзя. Однажды к семьям приходят тяжелые испытания. О том, как каждая из них сумела пройти через темную полосу в своей жизни и рассказывается в этой повести.

Кристина Рой

ВЕРНУЛСЯ ДОМОЙ

В повести, написанной почти полтора столетия назад, обсуждается актуальная и для сегодняшнего времени тема эмиграции.

Давным-давно все дети старой жены лесника Бетушки Микуловой уехали из Словакии в богатую, но чужую Америку. Неожиданно к старушке приезжает погостить один из внуков — и

уже не может расстаться с родными лесами, которые не только исцелили его израненную душу, но и помогли найти путь к Небесной родине.

